

Жерар Клейн Время не пахнет

Перевод: Аркадий Маркович Григорьев

Семеро коммандос отправляются на планету Игона в созвездии Сфинкса, ход истории которой им надо изменить. Будущее Федерации зависит от этой миссии во времени и пространстве. Но Федерация обречена, ибо никто не имеет права менять будущее или прошлое другого существа. Никто, кроме...

Моим родителям, бросившим меня в Реку Времени

Там, где господствует эго, должна властвовать совесть.

Д-р Лагаш

1

Громадный черный прямоугольник, казалось, излучал мрачный, почти невидимый свет – Служба времени Альтаира готовила отправку третьей за год экспедиции. Ветераны помнили времена, когда экспедиции снаряжались значительно реже. Надумай они сопоставить факты, их непременно обеспокоили бы участвовавшие путешествия во времени. Но здесь не принято было задавать лишних вопросов и они не задумывались над тем, что не относилось к их непосредственной работе. На Альтаире каждый занимался только своим делом.

Инженеры Службы времени обеспечивали настройку мультитензоров пространства Горовица с точностью до шестнадцатого знака после запятой. Начинали работу машины. Затем инженеры приступали к тонкой настройке вручную, и успех зависел только от их умения. А оно граничило с искусством. Никто не думал об опасности, хотя риск был необычайно велик из-за невероятного количества энергии, которого требовало успешное завершение операции. Нельзя безнаказанно манипулировать силами, способными нарушить стабильное равновесие времени и пространства. В большинстве своем жители Альтаира-2,

единственной обитаемой планеты в системе, считали, что последствия ошибки сведутся всего лишь к потере командос и тем самым к гибели семи человек. О вероятности такого исхода старались не вспоминать – смерть для них была редким и неприятным событием. К тому же подготовка каждого члена командос темпоральных исследований и воздействий обходилась чрезвычайно дорого.

Федерация объединяла около шести тысяч миров. Но альтаирцы не ведали истины. В тайну были посвящены только Арх, члены его совета и инженеры Службы времени. Они знали, что в лучшем случае ошибка приведет к нарушению будущего Альтаира-2, а это чревато катастрофой для всей Федерации. В худшем случае – катаклизм уничтожит часть Галактики, и разрушительная волна покатится до границ Вселенной. Но инженеры Службы времени не совершали ошибок. Они не допускали даже малейшей их возможности, а потому не предпринимали мер для ликвидации гипотетических последствий. Этим занимались другие. На Альтаире-2 все обязанности были строго определены.

Инженеры Службы времени имели дело с тончайшими структурами Вселенной. Объяснить на словах характер воздействия, какое оказывают искривители на пространство Горовица, невозможно. И, разговаривая с непосвященными, инженеры прибегали к аналогии. «Представьте себе, – говорили они, – Вселенную в виде воздушного шарика. Мы находимся в некой точке на его внутренней поверхности. Приложив значительную энергию в определенном направлении, мы можем локально деформировать шарик и проткнуть в нем крохотное отверстие, которое позволяет выбраться наружу. Если деформация недостаточна, вы рискуете застрять в стенке шарика, и вас оттуда не извлечь никакими силами. При избыточной деформации в шарике может возникнуть постоянное отверстие. В этом случае шарик либо медленно опадет, либо лопнет».

В этот момент объяснявший обычно делал паузу и внимательно оглядывал слушателей. Гиды редко обманывались в своих ожиданиях – туристы из центральных миров при этих словах неизменно теряли всю свою самоуверенность. Они глядели на черный прямоугольник, дверь в Абсолютное Вневременье, как на омерзительную гадину. Они не знали, какой конец страшнее – мгновенный ли взрыв, который перемелет Вселенную в пыль элементарных частиц, или медленный распад Вселенной, из которой, как из проколотого иголкой шарика, потихоньку утекают в никуда пространство, материя, время. Выбор оказывался невелик – лопнувший мыльный пузырь или опавший детский шарик. Одна только мысль об этом не сулила приятного. Но, уверенные в своем могуществе, которое они отождествляли с могуществом человечества, жившего в освоенной части Галактики и уже посылавшего свои корабли к иным звездным скоплениям, они предпочитали закрывать глаза на то, что кажущаяся незыблемой Вселенная, их обитель, обладает устойчивостью и прочностью мыльного пузыря или воздушного шарика. Подобные сравнения унижали их. Им не нравилось также, что в распоряжении инженеров Службы времени имеются чудовищные силы. Но они понимали – это вызвано необходимостью. Для утверждения своего могущества правители Федерации должны были подчинить себе время, и, подчиняя его, они все отчетливей сознавали, сколь хрупок его носитель – Вселенная. Постоянная опасность была непременным спутником Федерации.

Глядя на посетителей, инженеры Службы времени только усмехались. Для них опасность была отвлеченным понятием в отличие от конкретного понятия искривителей, абстрактную идею которых человек усваивал долгие века, хотя ему помогали совершеннейшие компьютеры. Инженеры знали, что черный прямоугольник служит дверью. По эту сторону двери простирался континуум с мириадами галактик, состоящих из мириадом звезд, которые в свою очередь состояли из мириадом частиц. По ту сторону двери лежало ничто.

Непостижимое ничто. Никакой информации о природе Абсолютного Вневременья не существовало. Дверь открывалась в первозданный хаос, в отрицание пространства, которое предшествовало первому мгновению существования Вселенной, первому сверхатому, взрыв которого привел к ее появлению. Вот почему эта дверь позволяла попасть в любое место, в

любой миг истории Вселенной. Но имелись определенные условия, которые суживали возможности перемещения во времени и пространстве. Однако границы были достаточно емкими, чтобы вместить значительно больший промежуток времени, чем вся история человечества.

Поэтому командос темпоральных исследований и воздействий ныряли через эту дверь в ничто, в Абсолютное Вневременье, и оказывались в иных мирах либо в прошлом, либо в будущем.

Дабы воздействовать на время. Дабы изменить прошлое или будущее. Дабы обеспечить Федерации могущество, которое непрестанно подтачивалось временем, и исключить малейшую вероятность ее гибели.

Семь человек командос вошли в зал. Увешанные снаряжением комбинезоны делали людей неразличимыми. Детекторы, оружие, инструменты, которые они несли на себе, позволяли им выжить практически в любых условиях – и в сердце звезды, и в пустоте, разделяющей галактики. Их не пугал ни один противник. Им ничего не стоило уничтожить целый мир, выстоять против космического флота. Генераторы ордзи-излучения позволяли им видеть сквозь толщи гор. Генераторы поля давали возможность летать над планетой на любой высоте с почти неограниченной скоростью. Симбиотические комплексы обеспечивали им питание и дыхание на любом исходном сырье. Их могущество можно было сравнить с могуществом мифологических богов.

Но самым эффективным инструментом были их нервная система, знания, тренированность. Даже оказавшись наг и гол в самых неблагоприятных условиях, член командос имел больше шансов остаться в живых, чем любой другой житель Галактики. Тайна этого крылась во врожденных особенностях каждого, подмеченных выборщиками, и в длительном самосовершенствовании.

Они мгновенно оценивали любую ситуацию, отражали любую угрозу. Во всяком случае, ту, с которой они сами или их предшественники сталкивались в своих путешествиях. Их концепция мира исключала возможность поражения. Даже поодиночке они были практически неуязвимы. А их было семеро.

Эта семерка не раз боролась со временем и его ловушками и стала единым целым. И сейчас она снова готовилась переступить порог в прошлое неизвестного мира ради процветания Федерации, ради того, чтобы ничто не могло угрожать ее могуществу даже в далеком завтра.

В семерку входили координатор Йоргенсен, Арне Кносос, Марио, Ливиус, Шан д'Арг, Эрин и Нанский. Номинально руководил семеркой Йоргенсен, но на практике она не нуждалась в командире. Она работала сама по себе, как хорошо отлаженный механизм.

Ни один из членов семерки не отличался узкой специализацией. В командос темпоральных исследований и воздействий каждый мог с равным успехом заменить другого. Когда начинались первые путешествия во времени, командос составлялись из различных специалистов, но результаты оказались плачевными, а часто и катастрофическими. Любой узкий специалист беспомощен вне рамок своих знаний и возможностей.

Мало кто завидовал их статусу специалистов широкого профиля. Какими обширными и разнообразными ни были их знания, они не позволяли им соперничать со специалистами в конкретной области. Их способности, взятые в отдельности, были посредственными, но в комплексе поражали своей уникальностью. Редкий человек мог по достоинству оценить многогранность их черт и знаний. В глазах большинства людей, гордых своей узкой специализацией, члены командос выглядели монстрами. А члены командос умели подавлять в себе неприязнь ко всем тем, кто с оговоркой принимал их право быть полноправными создателями цивилизации, чье будущее они защищали. Они ни с кем не делились своим богатым опытом; их замкнутые лица с поджатыми губами редко меняли свое выражение, и никто не знал, какие чувства их обуревают. Их стихией были самые невероятные и неожиданные ситуации.

Семерка решительно направилась к черному прямоугольнику. Инженеры Службы времени удалили из зала всех посторонних. Проследовав по сложному лабиринту, начертанному на полу, семеро людей ступили на прямоугольник, и их окутали голубые сполохи пламени.

По периметру черного прямоугольника вспыхнула оранжевая полоса. Семерка отправлялась в прошлое планеты, которую ее члены никогда не видели и названия которой не слышали до вчерашнего вечера, когда их ознакомили с порученной им миссией. Существовало строгое правило: никого и ни о чем заранее не предупреждать. Они должны были быть всегда готовы отправиться в путь. И всегда могли отказаться от выполнения данной миссии. Они не знали, кто принимает решение об их посылке в тот или иной мир, в ту или иную эпоху, но это их не волновало. Они получали точные инструкции и беспрекословно выполняли их.

Чернота прямоугольника вспучилась и непроглядным туманом потекла вверх по ногам. Тьма постепенно поглотила их и тут же обернулась белой вспышкой столь пронзительной яркости, что могла ослепить любого наблюдателя, не успевшего закрыть глаза.

Свет быстро пошел на убыль – черный прямоугольник и стоявшие на нем люди исчезли. Дверь Вселенной захлопнулась – семерка отправилась на планету Игона в созвездии Сфинкса, ход истории которой им надлежало изменить.

Накануне старта Йоргенсен отдыхал в студии своего приятеля Арана на планете Игор-2. Он с интересом наблюдал, как художник работает над новой скульптурой. В прозрачном блоке вещества колебались цветные объемные формы, похожие на бледный сигаретный дымок, тающий в недвижимом воздухе, или на разводы от упавшей в чистую воду капли чернил. Аран создавал невероятные пространственные комбинации в сероватых тонах. Его произведения украшали красивейшие здания Федерации.

– Мне нравится твоя профессия, – не раз повторял Йоргенсен. – Глядя на тебя, хочется заняться тем же. Твои творения надолго переживут тебя. Ты – счастливый человек. Удивительно, как твое произведение меняется при каждом прикосновении пальцев.

Скульптор поднял голову и усмехнулся.

– Я придаю форму дыму, а ты – времени. Что важнее? Я живу в мечтах, а ты в действии. Что лучше?

Йоргенсен не ответил. Он не отрывал взгляда от творения друга. Абстрактные контуры будили в душе тревогу, тревогу сменяло умиротворение, какая-то едва ощутимая радость. Он чувствовал, что скульптуры Арана оказывают на него какое-то необъяснимое действие. Ему хотелось понять его природу. Йоргенсен посмотрел на свои руки. Сильные, костистые, ловкие, они не способны были ни на что подобное. Они умели владеть оружием, но не могли очертить изящный контур. Йоргенсен часто ловил себя на мысли, что любит наблюдать за работой Арана потому, что в глубине души хочет делать то же самое.

Йоргенсен был высоким, худощавым человеком. Наголо выбритый череп подчеркивал худобу его немного скуластого, сурового лица с очень светлыми глазами. Горькие складки в уголках тонкогубого рта говорили о давней усталости. Он не находил удовлетворения ни в себе самом, ни в мире, где он жил. Он любил свою странную профессию за то, что она помогала ему бежать от самого себя. Он часто задавал вопросы, и с изрядной долей скептицизма сам же отвечал на них, завидуя спокойной уверенности Арана.

– Меня постоянно мучает один вопрос, – наконец решился Йоргенсен, – не слишком ли односторонне мы действуем. На некоторых планетах получают развитие какие-то цивилизации. Кто-то решает, что на определенной стадии они могут стать опасными для Федерации. Тогда на сцену вступаем мы. Наше вмешательство меняет ход их истории. Мы, конечно, стараемся остаться незамеченными. Но миры, которые мы покидаем, уже никогда не достигнут расцвета, а потому никогда не станут соперниками Федерации. Нет, я не формирую время. Я стерилизую его. Я его ограничиваю. Я его ампутую, обрубаю его живые ветви.

– Стоит ли терзаться? – мягко возразил Аран. – И я в своих произведениях нередко устраняю некоторые возможности, хотя и сожалею о потерях. Но они нарушили бы равновесие и в конце концов красоту целого. Федерация контролирует время по праву сильного. Она поддерживает порядок во всей Галактике. И предупреждает войны. Разве ради этого не стоит приостановить развитие одной-двух неведомых цивилизаций?

– Не знаю, – неуверенно буркнул Йоргенсен. Он привык быть со скульптором предельно откровенным. В другом месте он, возможно, на это и не решился бы, чтобы не вызвать подозрений у агентов Арха. Он наклонился к окну, которое опоясывало мастерскую. Местность снаружи поражала дикостью и буйством природы. Но только несведущего. На самом деле она была плодом ухищрений мастера-садовника. У горизонта небо подпирали высокие горы, по склонам которых сползал фиолетово-красный лес; его сменяла бескрайняя саванна, зелень оттеняла голубизну трех рек. Кое-где возвышались разрозненные купы деревьев. Само жилище Арана окружали цветущие луга. То здесь, то там легкими прыжками проносились и исчезали вдали быстроногие антилопы. Невидимое красное солнце заливало розовым светом небо, окрашивало пурпуром вершины гор. Весь этот пейзаж навевал удивительное чувство покоя, хотя на самом деле был чужд планете.

Здесь даже горы были другими.

– Меня многое беспокоит, – вновь заговорил Йоргенсен. – Я столько успел повидать. Самые разные миры. Я прощупал их прошлое и предугадал будущее. И все ради того, чтобы уничтожить. Каждый из миров менялся или стремился к перемене. Лишь Федерация с незапамятных времен остается неизменной и недвижимой, как стоячее болото. Почему?

– Тебе известно изречение Арха: «Федерация – проявление зрелой уравновешенной цивилизации. Она достаточно могущественна, чтобы предотвратить всякий кризис, старение и смерть, которые для любой эфемерной цивилизации губительны. Она стабильна – и в этом ее сила».

– Мне это известно. Однако прав ли Арх? Не защищает ли он свою собственную власть? Все меняется в этом мире – от твоих творений до звезд. Лишь Федерация застыла в своей неизменности. И эту ее стабильность создаем мы, солдаты времени, бросая к ее ногам освежаванные туши юных миров.

Пальцы Арана легко скользили по его детищу, и каждое прикосновение меняло форму цветных струек дыма внутри. Жесты скульптора исключали случайность. Аран вдруг выпрямился.

– Хочешь знать мое мнение? – резко спросил он. – Думаю, поведение Федерации пагубно. Убежден, она допускает ошибку, контролируя время. Возможно, она тем самым предотвратила свою старость, но одновременно она и убила в себе жизнь. Мы не имеем права ради собственного процветания исказить будущее других миров. Другие миры имеют полное право жить и развиваться. Знаешь ли ты, что моему искусству уже сотни лет и оно неизменным прошло через века? Думаешь, я не устал повторять одно и то же? Думаешь, я не в силах создать нечто новое? Я ведь творец, а не просто специалист, каких плодит наша Галактика для любого рода деятельности. Даже для искусства. А как хочется уйти от этого неизменно повторяющегося совершенства. Что из того, что в Федерацию входят тысячи обитаемых миров? Все равно в ней пахнет затхлостью. Иногда, глядя на это небо, я чувствую, что попал в тюремную камеру. А затем заставляю себя улыбнуться и вновь берусь за работу, заново обретаю счастье от занятий своим делом.

Послышался мелодичный звон.

– Слушаю, – откликнулся Аран.

– Мне нужен Йоргенсен, – отрубил мужской металлический голос.

– Слушаю, – отозвался Йоргенсен. Он знал, кому принадлежит этот голос. Знал, что последует дальше. Радость охватила его, мышцы рук непроизвольно напряглись.

– Вам поручена новая миссия, – сообщил голос. – Завтра вы отправляетесь на планету Игона для проведения коррекции ее истории. Возвращайтесь на Альтаир.

– Буду вечером.

– Прекрасно. До свидания.

Йоргенсен повернулся к Арану.

– Игона. Никогда не слышал о такой планете. Коррекция истории. Любимый эвфемизм.

– А вот и ответ, – сказал Аран. – Федерация не терпит конкуренции. Ее право – право сильнейшего.

– Я могу отказаться, но не откажусь. В этих миссиях смысл моего существования. Как смысл твоего – в твоих скульптурах.

Внизу появился ребенок – дочка Арана. Она играла с красным мячом, современным чудом техники. Сложные механизмы позволяли мячу кружить вокруг ребенка и ускользать от него в момент, когда, казалось, игрушка уже в руках. Сложность игры можно было регулировать. Изредка мяч допускал ошибку и позволял приблизиться к себе. Девчушка заливисто смеялась и пинала мяч ногой. Он откатывался и возвращался.

Игру изобрели несколько веков назад, но интерес к ней не остывал.

Накануне старта Арне Кносос занимался рыбной ловлей на Гидре. Его страстью было море. Он знал подводную флору и фауну сотен планет лучше, чем их рыбоводы. Глиссер скользил по волнам. Арне сам разработал и построил его с помощью роботов. В конструкции было множество хитрых решений. Он мог мгновенно выдвинуть две тончайшие мачты с прозрачным парусом – из древних книг он узнал, что человеческие цивилизации тысячелетиями использовали ветер в качестве движущей силы. Потом секреты такого плавания канули в Лету. Арне Кносос заново изобрел паруса и наслаждался, один на один меряясь силами с ветром и морем. Случалось, отключив двигатель, он сутками носился по волнам, отдавшись прихоти течений и ветров. Его концепция времени во многом зависела от общения с морем.

Между путешествиями во времени Кносос чаще всего жил на Гидре, одной из редких планет Федерации, полностью покрытой океаном. В морских безднах скрывалось несколько городов, жившие на доходы от туризма и разведения редких водорослей. Но Кносос избегал появляться там, разве только когда иссякали запасы пищи. Кносос любил одиночество.

Он с удовольствием погружался в океанские бездны, исследовал морское дно, осматривал коралловые рифы, наблюдал за стаями разноцветных рыб и иногда охотился на морских гигантов. Но никогда не превращал он охоту в бессмысленную бойню. Каждый его трофей был добыт в честном бою. Однажды в глубоководной расщелине он выиграл схватку с гигантским кольчатым червем и с тех пор, несмотря на странности своего образа жизни, пользовался на Гидре особым авторитетом.

Сегодня на корме его глиссера красовалось название почти всеми забытого произведения – «Одиссея». Он плыл в пелене густого тумана. Детекторы прощупывали туман и воду, чтобы исключить столкновение с судном из морских глубин. Арне предавался мечтам.

Резкий звук вернул его к действительности.

– Кносос, – раздался безликий женский голос.

– Да, – отозвался он.

– Завтра вы отправляетесь на Игону. Срочно возвращайтесь на Альтаир.

– Хорошо.

Он нажал клавишу на щитке управления. Парус сложился, телескопические мачты бесшумно скрылись в корпусе суденышка. Глиссер ринулся вперед, едва касаясь воды.

Марио в равной степени увлекался музыкой, математикой и женщинами, а поэтому часто путешествовал. Накануне старта на Игону ему удалось примирить все три свои страсти в районе Прочиона. На планете Энгеран-3 проходил фестиваль синтетической оперы. Там-то он и повстречал Ору, пленительную певицу-блондинку. Сам Марио был черняв и коренаст. Пронзительный взгляд и высокий покатый лоб не делали его красавцем, но в обаянии ему нельзя было отказать. Он знал это и умело пользовался своим даром.

В командос он попал случайно. Марио родился на одном из центральных миров во влиятельной семье, близкой к семье Арха, и карьера его с самого рождения казалась предreshенной. Но нравы правителей Федерации пришлись ему не по вкусу. Некоторое время он без особых целей скитался по Галактике, участвуя время от времени в математических турнирах, коллекционируя интрижки и развивая музыкальный вкус. Но даже это безделье утомило его. У него не было специальности, да он и не хотел ее приобретать. Немалое состояние оберегало его от любых невзгод, кроме скуки, которая к тридцати годам буквально задушила его. Ему предложили несколько почетных должностей, но он отказался от них. Однажды случай свел его с Йоргенсеном, и они сдружились. Два года спустя Йоргенсен предложил ему место в командос. Не желая расставаться со свободой и мало веря в то, что ненавистная ему Федерация нуждается в защите, он долго колебался. Но все же последовал за Йоргенсеном. Новая роль пришлась ему по вкусу – здесь опасность имела свой конкретный смысл.

Возвратившись в номер, он сразу заметил озабоченное лицо Оры. Она без улыбки ожидала его, прислонившись к мраморной колонне. Марио сразу понял, что это значит. Он обнял ее и спросил, не успев поцеловать:

– Миссия?

Она молча кивнула. Он взлохматил копну ее золотистых волос, не чувствуя никаких сожалений. Его вновь охватило знакомое чувство триумфа. Он уже был далеко от Оры.

– Игона, – сказала она. – Я даже не знаю, где это. И в атласе ничего не сказано. Какой-нибудь мирок на окраине Галактики?

– Уж не какой-нибудь, – возразил он, – коли требуется наше вмешательство.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Он чувствовал жар ее прильнувшего к нему тела.

– Ты вернешься?

– Конечно, – в его голосе не было большой уверенности.

И откуда ей было взяться? Никто и ничто не могло надолго захватить Марио, кроме темпоральных командос.

Накануне старта Ливиус бродил по предместьям Шенграна в поисках собутыльников, драки или любого другого скандального дела. По натуре своей Ливиус был авантюристом. Вкус к опасности и насилию привел его в темпоральные командос. Его не волновали высокие принципы. Он жил согласно собственным инстинктам. Ливиус родился на одном из бедных и перенаселенных миров и, наверное, занялся бы пиратством или иными темными делишками, не предложи ему выборщики иную долю. Он покинул родную планету раз и навсегда и свободное время проводил в больших городах старых миров, не заботясь о своей репутации. Он знал, что профессия защитит его от агентов Арха и нередко злоупотреблял этим. О его схватках с полицией ходили легенды. Когда он бывал в хорошем расположении духа, ему хватало разбить десяток роботов, чтобы внести, как он говорил, оживление в свою скучную жизнь. Он не связывал себя семейными узами, выбирал друзей на один день и не сожалел о расставании с ними. Когда этот высокий, сутулый и угловатый человек с лицом, покрытым шрамами, которые он отказывался удалить с помощью биопластических операций, появлялся в тавернах, в них тут же поднимался радостный шум. Он любил успех, но презирал льстецов. Себя он считал одиноким волком и терзался лишь в те моменты, когда снисходил до жалости.

В тот вечер его грызла скука. Ливиус хотел было угнать корабль с астеродрома, обманув роботов-охранников, и ради острых ощущений промчатся на нем вместе с приятелями вблизи солнца. Но как-то вдруг эта затея показалась ему детской забавой. Он ощущал зуд в руках. Близился кризис. В такие дни его томило неосознанное желание либо принять участие в необычном путешествии в другую галактику, либо вернуться на родную планету. Тогда даже нежные руки шенгранских женщин не могли вывести его из глубокой тоски, а психологов к себе он никогда не подпускал. Это его состояние однажды ощутили на себе

агенты Арха: он убил одного из них, но скандал замяли. Агентов Арха не любили, да и заменить их было легче, чем членов командос.

Из кармана донесся резкий звук. Ливиус достал передатчик.

– Ливиус? – спросил робот.

– Он самый.

– Вы можете принять участие в миссии или отказаться от нее, – сообщил робот, четко выговаривая слова. – В случае согласия завтра отправляетесь на Игону.

– Кто командир? – хриплым голосом осведомился Ливиус.

– Координатором назначен Йоргенсен.

– Согласен.

Лицо Ливиуса просветлело.

– Да будет благословенно имя Арчимбольдо Урцайта, – тихо пробормотал он.

– Простите? – поинтересовался робот.

– Ничего. Я отблагодарил некоего Арчимбольдо Урцайта.

– Мне не известен ни один живой человек, носящий это имя, – проговорил робот. – Но пять веков назад существовала историческая личность с таким именем. Доктор Арчимбольдо Урцайт разработал математический принцип и провел первые практические опыты по путешествиям во времени.

Роботы не упускали случая щегольнуть своими знаниями, и это бесило Ливиуса. Он весьма сожалел, что кибернетики сочли необходимым снабдить роботов небольшой долей разума.

– Именно его я и имел в виду, – сказал Ливиус и не без злорадства подумал, какое смятение вызвал в мыслительных цепях робота.

Робот помолчал, затем после паузы проговорил:

– Я регистрирую ваше согласие. Да будет вечным величие Арха.

На Шенгран опускался вечер. В терминах универсального времени у него было в запасе еще двадцать часов. Он посмотрел на небо, где уже зажглись искусственные луны. Двадцать четыре уровня улиц сплелись в громадной сверкающий лабиринт. Из подвесных садов исходил пьянящий запах. Над астродромом темной гигантской тенью висел пузатый коммерческий корабль с потушенными ходовыми огнями.

– Ну что ж, пойдем выпьем на последний сегир во славу старика Арчимбольдо Урцайта, – громко проговорил Ливиус, расправляя складки плаща.

Шан д'Арг утверждал, что прибыл из Солнечной системы, мифической колыбели человечества. И как ни удивительно, акты гражданского состояния подтверждали его слова. Он немало гордился своим происхождением, утверждая, что некогда его род пользовался известностью на Соль-4, как тогда называли Марс. Он уже дважды участвовал в экспедициях за пределы Галактики, сражался против кристаллов Капеллы, истреблял мыслящих насекомых Сириуса, которые в результате непонятной мутации смогли покинуть свой родной мир и стали расселяться по всей Галактике. Дело предполагалось решить с помощью командос темпорального воздействия, но оказалось, что мутация была следствием вмешательства одной из командос. Не желая рисковать, Федерация решила сбросить на «зараженные» планеты миллионы роботов и нескольких воинов. Люди шли на верную смерть. Но Шан д'Арг сумел остаться в живых.

У Шан д'Арга была желтая кожа и раскосые глаза. Антропологи считали его редчайшим представителем одной из древнейших рас. В нем в полной чистоте сохранились ее признаки. Это было большой редкостью – в Федерации первичные расы смешались настолько, что стерлись все соматические различия. Правда, по мере расселения в разных мирах появились новые отличия. Излучения солнца, состав воздуха, гравитация, климатические условия – вот долговременные факторы формирования новой расы.

Шан д'Арг увлекался историей, с его уст не сходили названия битв и имена забытых героев. Он говорил об античности Солнечной системы как о благословенной эпохе, когда

люди сражались с радостью и страстью. Ему хотелось подобно им владеть мечом, топором, пулеметом. Он искусно управлялся с древним оружием. Ему случилось на Танатосе принять участие в турнире гладиаторов, но он вернулся оттуда, исполнившись отвращения, ибо не разделял вульгарного вкуса к убийству.

Накануне старта на Игону он томился в неясном ожидании у себя дома среди оружия, книг, блоков магнитной памяти. Когда его терпению пришел конец, он вызвал Альтаир.

– Хочу отправиться с миссией, – коротко потребовал он.

– Завтра отбывает одна из них, – ответил робот. – Но выборщики не предусмотрели вашего участия. Однако я могу предложить вашу кандидатуру.

– И побыстрее, – сухо приказал Шан д'Арг.

Он с нетерпением ждал ответа, занимаясь точкой меча – столь тонкую работу он не доверял автоматам. Услышав ответ, он вздохнул полной грудью:

– Ну что ж, Игона так Игона.

Эрин, молчаливый гигант с непокорной копной рыжих волос, накануне старта шел на приступ труднейшей вершины Тиморгских гор на Зефионе-6. Голубоватое поле энергетического шлема защищало его лицо от холода и позволяло нормально дышать даже в разреженном воздухе больших высот. Он шел по гребню гладкой, как стекло, черной скалы, на которой ему помогали удерживаться присоски на ботинках. Преодолевая ледяные порывы ветра, он медленно приближался к острому, словно игла, шпилью, который вознесся над горным массивом. Эрин уже начал ощущать усталость. В глазах рябило от легких туристических летательных аппаратов, которые весь день носились вокруг. Когда-то он и сам любил кружить на них над горами, но теперь предпочитал радость неторопливого продвижения, чувство усталости и триумф нелегкой победы. Он брал с собой лишь минимум снаряжения.

Стоя над горами, он упивался ощущением могущества и безмятежного спокойствия. Он часто рисковал в космосе, проносился в опасной близости от звезд, приближался к планетам с такой скоростью, что они в мгновение ока вырастали на экране из булавочной головки в необъятный шар, на котором проступали очертания континентов, тени горных хребтов и города, похожие на светящиеся шляпки гвоздей. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем чувством, которое обуревало его на покоренной вершине – он ощущал принадлежность к окружающему миру и, застыв между небом и землей, в полком безмолвии созерцал проделанный путь.

Горы нигде так и не покорились человеку окончательно, и только загнанный на задворки души страх перед ними заставлял туристов кружить вокруг них под надежной защитой техники. Эрин относился к горам с опаской и уважением. Он понимал, почему народы древности селили своих богов на самых недоступных вершинах и карабкались к ним, проникшись смирением.

Он знал, что тысячеметровый обрыв имеет куда большую протяженность, чем миллион километров в космосе. Космос смазывает расстояния, излечивает от головокружения, уничтожает глубины, выстраивает звезды в одну линию, словно пешки на шахматной доске. Летающие туристы и не подозревали, сколько тайны и страха в каждой расщелине, трещине, отвесной стенке, качающейся скале, утонувшем во мраке откосе.

Эрин уже собирался расположиться на ночь у подножья островерхой вершины, когда в наушниках прозвучал негромкий сигнал.

– Эрин слушает.

– Миссия на Игону. Отбываете завтра вместе с Йоргенсеном.

– Хорошо, – ответил Эрин и бросил взгляд на вершину. Он еще вернется сюда. А она подождет. Ждала миллион лет, подождет и еще немного.

– На Альтаире следует быть сегодня вечером.

– Это невозможно. Я нахожусь в горах Тиморг, в двух сутках ходьбы от ближайшего передатчика материи. У меня нет летательного аппарата. Однако даже с ним мне пришлось

бы добираться несколько часов. Но вы можете прислать за мной корабль. Он подберет меня здесь и немедленно переправит на Альтаир.

– Я постараюсь.

Не пришлось ждать и нескольких минут.

Гигантская масса Патрульщика материализовалась над головой Эрина. Федерация не скупилась на расходы, если дело касалось членов командос. Корабль бесшумно возник из пространства. В его брюхе, словно глаз, распахнулось отверстие, куда и всосало Эрина. Он еще не успел отдышаться, как Патрульщик уже покинул систему Зефиона.

Нанский был одержим космосом. Накануне старта на Игону он находился на борту своей фотонной яхты в поясе астероидов малоизвестной системы. С ним вместе были его жена Нелле и двое сыновей. Оба подростка настолько привыкли к путешествиям в космосе, что не теряли присутствия духа даже во время нейтринной бури.

Они занимались поисками корабля, который потерпел крушение несколько веков назад, во времена расцвета навигации в пространстве. Нанский надеялся найти корабль и переправить его в музей космических судов, который давно организовал у себя дома, в системе Тлон.

Нанский знал, что благополучие Федерации зиждется на передатчиках материи, которые позволяли мгновенно пересылать людей и грузы на любую планету. Он понимал, что упадок классической космической навигации вполне логичен и отражает нормальный исторический процесс. Ведь Федерация неуклонно превращалась в гигантский город размером в пол-Галактики, обитатели которого с каждым годом все больше теряли ощущение огромности расстояний, разделяющих звезды, поскольку для перехода из одной солнечной системы в другую требовалось лишь переступить порог передатчика.

Нанский не хотел мириться с подобным отрицанием космоса. Он жил ради него, как Йоргенсен – ради мучивших его вопросов, как Марио – ради музыки, как Ливиус – ради разгула, как Кносос – ради моря и как Шан д'Арг – ради звона оружия.

Время было другим измерением. Оно позволяло Нанскому заново открывать космос.

Вызов Альтаира приняла Нелле. Она переживала за мужа каждый раз, когда он отправлялся в очередную экспедицию, о которых почти не говорил, хотя не имел секретов от жены. Ее страшила не угрожавшая ему опасность, а его пребывание там, где существовал соблазн встречи с молодой цивилизацией, имеющей развитый космический флот. Она так до конца и не поняла Нанского. Он был человеком скрытным и мог однажды, оседлав комету, навсегда удалиться к иным берегам. Она понимала, что рискует, когда пятнадцать лет назад выходила за него замуж. И все это время она таила страх в себе, хотя каждая миссия Нанского заново пробуждала ее тревогу.

Нелле в двух словах пересказала сообщение мужу. Он проникательно посмотрел на нее.

– Как поступим? Могу тебя оставить здесь?

– Мы продолжим поиск. Ведь ты скоро вернешься.

– Не уверен. Лучше возвращайся на Тлон. Сюда прилетим позже.

Все было сказано. Она ни разу не пыталась отговорить мужа отказаться от участия в темпоральных экспедициях. Фотонная яхта перешла в подпространство и вынырнула в космосе вблизи планеты, где стоял передатчик материи. Нанский поцеловал жену и покинул яхту. Он метеором пронесся через атмосферу в автономной шлюпке и сел рядом с Центром межзвездных путешествий. Стояла глубокая ночь, и гигантский купол Центра сверкал в свете искусственных лун.

Так все семеро почти в один и тот же час универсального времени перешагнули порог передатчика материи и оказались на Альтаире в одном зале. Они явились из разных концов Галактики благодаря изобретению тысячелетней давности, сделанному в эпоху, когда еще не существовало Федерации.

Лишь Йоргенсен и Нанский знали, что значат передатчики материи для Федерации. Но только Йоргенсен задавался вопросом, а не создается ли сходная сеть связи во времени между веками, сеть, которая обеспечит единство сложеного из тысяч миров галактического города не только в пространстве, но и во времени.

2

Год? 3161.

Место? Планета Игона, которая вращается вокруг ничем не примечательного желтого солнца.

У Йоргенсена мелькнула невольная мысль, что ему суждено родиться через двести пятьдесят лет в нескольких десятках световых лет отсюда. Но он не мог окончательно убедить себя в этом. Он существовал в Настоящем. И не допускал, что в его родном мире его еще нет, а живут давно забытые предки. И в то же время он знал, что так оно и было. Даже если разум находил подобную ситуацию совершенно невероятной.

– Принцип первый, – цедил Йоргенсен, почти не разжимая губ. – Путешествие во времени возможно лишь при одновременном перемещении в пространстве на достаточно большое расстояние, чтобы не внести интерференции в причинную ткань Вселенной.

Это была физическая истина. Хотя первый принцип не совсем точно выражал ее суть. Но был близок к ней. При любом путешествии во времени возникали интерференции. Но, поскольку расстояния между точкой старта и точкой финиша были велики, с интерференцией можно было не считаться.

«Логично, – подумал Йоргенсен. – Если было бы возможно вернуться в свое собственное прошлое, прошлое родного мира, изменения, привнесенные в его историю этим возмущающим возвратом, создали бы ряд парадоксов. Писатели, жившие в эпоху начала освоения времени, любили жонглировать такими возможностями. Они выдумывали путешественников во времени, которые убивали своих предков и тем самым переставали существовать, а вследствие этого не могли совершить роковое путешествие и снова оказывались в мире живых и так далее и тому подобное.

Но реальность исключала парадоксы. Писатели, если можно так выразиться, оставались на бобах. В свое собственное прошлое вернуться было нельзя, а потому и исключалась возможность его изменения. Вернее, путешествие было возможным, но для этого следовало преодолеть сопротивление континуума, что требовало чудовищного количества энергии, равного тому, которое будет израсходовано на создание новой вселенной со всеми изменениями, внесенными в ее причинную ткань.

Реальность допускала путешествие во времени при наличии определенных условий. Между двумя удаленными мирами почти нет причинных связей. Все происходит, как если бы речь шла о двух независимых вселенных. А потому возможно, затратив количество энергии, необходимое для компенсации этого «почти», перенестись в прошлое или будущее одного из этих удаленных друг от друга миров».

Второй принцип – причинная ткань конкретного мира может быть представлена в качестве конуса, вершина которого устремлена в прошлое, а основание находится в будущем. Первое следствие: чем глубже надо проникнуть в прошлое, тем больше интерференции вносится в глобальную структуру причинности и тем выше расход энергии на путешествие. Второе следствие: чем дальше в космосе находится точка старта, тем глубже можно проникнуть в прошлое исследуемого мира. Третье следствие: при определенном количестве затрачиваемой энергии точка прошлого планеты, в которую может попасть путешественник во времени, есть функция расстояния между этой планетой и точкой старта.

Именно поэтому центром Федерации был выбран Альтаир. Ближайшие к нему миры держались Федерацией в крепкой узде. И командос производили коррекции истории на большом отдалении – либо в центре Галактики, либо на ее противоположном краю.

– Я появлюсь на свет через двести пятьдесят лет, – тихо повторил Йоргенсен. – Мне

известна история Федерации на три века вперед, до самого моего рождения. Что будет дальше, я не знаю. Но, быть может, в данный момент в Галактике есть путешественники из далекого будущего, которые знают, что будет после нас, после Федерации, и в глазах этих людей далекой цивилизации мы выглядим просто варварами. Если бы мы могли встретить их, узнать будущее, узнать, чем завершится наше путешествие на Игону!

Третий принцип категорически исключал такую возможность. «Любое путешествие в будущее, а если говорить шире, любое общение с будущим требует затрат энергии больших, чем ее истрачено за все время существования континуума. Ибо положение путешественника во времени определяется не по отношению к абсолютной системе отсчета, а относительно точки его старта. А значит, искажения и интерференции, вносимые в цепь причин и следствий, могут оцениваться лишь относительно точки старта».

Третий принцип был самым простым. Это был перенос на структуры времени принципов относительности, которые в глубочайшей древности сформулировал, по мнению одних, Пифагор, а по мнению других, – Эйнштейн.

Игона выглядела гостеприимной. Они стояли на поляне, окруженной зарослями гигантских грибов. Никаких животных. Красная почва, голубое небо. Ласковое солнце. Спокойный влажный воздух.

Нанский и Марио занимались установкой темпорального маяка, чтобы отыскать вход в Абсолютное Вневременье и вернуться в свой век на Альтаир. Остальные молча, настороженно наблюдали за ними. Но лица их этого не обнаруживали.

Когда маяк был закончен, его замаскировали под обычную скалу – если кто-то пройдет мимо, ничего не заметит, а коснувшись, получит легкий удар током.

– Далаам, так называется город, в котором нам предстоит действовать, – начал Йоргенсен, когда члены командос собрались вокруг. – Он находится в десятке километров к северу отсюда. Тропинка, которая ведет вниз, к подножью обрыва, где раскинулся город, проходит рядом. Но мы не пойдем по ней. Лучше как можно дольше оставаться незамеченными.

Он на мгновение замолк и критически оглядел снаряжение своих товарищей. Он проводил осмотр трижды еще до того, как покинуть Альтаир, он доверял своим людям, но малейшая небрежность могла свести на нет их шансы на успех.

Соседний гриб с резким хлопком выбросил в воздух тучу спор. Вся семерка мгновенно бросилась врассыпную, схватившись за оружие. Затем, сунув оружие за пояс, они медленно вернулись на прежнее место. Пурпурный туман, повисший над грибом, напомнил Йоргенсену спирали в скульптурах Арана. На губах Марио играла ироническая улыбка.

– Уже нервничаем! А что будет через неделю?

Остальные промолчали.

– Войдем в Далаам пешком, – сказал Йоргенсен. – Так мы привлечем меньше внимания и лучше познакомимся со страной. Использовать оружие и защитные поля разрешаю лишь в крайнем случае. Если нам придется разлучиться, сбор в этой точке. Те, кто вернутся первыми, обязаны ждать остальных в течение трех месяцев. Затем могут возвращаться на Альтаир. Связь с Игоной будет прервана, и ее практически не удастся восстановить. Опоздавшие навечно останутся пленниками этого мира.

Все согласно кивнули. Эту возможность они учитывали в любом путешествии. Случалось, целые командос намеренно оставались в прошлом, хотя это было категорически воспрещено из-за серьезных нарушений причинной ткани. Но Федерация практически не располагала средствами наказать тех, кто растворялся в глубине времен.

– Не думаю, – добавил Йоргенсен, с трудом выдавив из себя улыбку, – что эта экспедиция столкнется с существенными трудностями. Скорее всего, нас ждет приятное времяпровождение.

– И даже драчки не предвидится? – с надеждой в голосе спросил Ливиус.

– Надеюсь, нет. Туземцы пользуются репутацией мирных людей.

– Однако через четыре-пять веков грозят Федерации великими опасностями? – осведомился Марио.

– По-видимому, если их техника быстро развивается. Я знаю не больше вашего. Это заботы прогнозистов. Они, не вдаваясь в подробности, указывают нам, какие операции следует осуществить. Для меня сущая загадка, какими неприятностями грозит Федерации такой мир, как Игона.

– Быть может, мы узнаем это, – заметил Шан д'Арг. – Хотя, судя по сообщенным нам сведениям, эти люди до противности миролюбивы. У них богатый язык, но в нем практически отсутствуют термины, относящиеся к оружию. Они даже не знают, что такое война.

Семерка двинулась в путь. Шан д'Арг и Ливиус шли во главе. За ними следовали Йоргенсен и Марио. Арне Кносос прикрывал левый фланг, а Нанский – правый. Замыкал шествие Эрин.

Они шли, лавируя меж гигантских грибов. Дважды сменили направление, чтобы отойти от тропы – простой проселочной дороги с глубокой колеей. Шан д'Арг презрительно сплюнул сквозь зубы.

– И этих людишек боится Федерация, – пробурчал он.

– Бывали и быстро прогрессирующие миры, – возразил Марио. – Федерация предпочитает не рисковать.

– Я-то думал, что они по меньшей мере овладели атомной энергией и начали запускать в космос корабли.

– Не стоит судить о развитии цивилизации по проселочной дороге. Вы прекрасно знаете, что их техника в зачаточном состоянии. Или вы невнимательно отнеслись к информации?

– Ну, на память не жалуюсь, но ума не приложу, зачем мы сюда явились.

– В наши функции это и не входит.

«Как бы не так, – хотел было возразить Йоргенсен. – Если мы не будем вникать в события, кто сделает это за нас? Специалисты? Куда им. Мы, наверно, единственные, кто может системно оценить проблему, постичь суть вещей, ведь наше восприятие не ограничено шорами узких знаний».

Но промолчал. Они обсуждали эту тему уже сотни раз.

Выйдя вторично на тропу, они едва не столкнулись с аборигеном, трусившим верхом на какой-то местной зверюге. Это был тучный человек преклонного возраста, его удлинённый череп казался длиннее из-за громадной лысины. На нем была коротенькая туника, не закрывавшая болтавшихся по бокам животного ног. Его «конь» имел приплюснутую голову с двумя треугольными глазами, длинную шею рептилии и короткий темно-голубой мех. Животное семенило на шести странно сочлененных ногах. С первого взгляда трудно было определить, относилось ли оно к живородящим или яйценосам или способ его размножения был столь же необычен, как и облик. Абориген явно был человеком. Маловероятно, чтобы эволюция на этой планете породила гуманоида, скорее всего, цивилизация на Игоне возникла после крушения звездолета. Уцелевшие пассажиры размножились и заселили эту мирную планету.

Семерка прижалась к земле, спрятавшись за грибами. Животное помотало головой влево и вправо, но не остановилось. Всадник выглядел весьма довольным собой. Он беззаботно глядел в небо и не заметил бы семерку, даже если бы она пересекла тропу перед самым его носом. Пришельцы из будущего успели заметить, что глаза животного двигались независимо друг от друга.

Вскоре абориген скрылся из виду.

– Он направляется в Далаам, – шепнул Йоргенсен.

– Похоже, торговец, – добавил Ливиус.

– На Игоне нет торговли, – поправил его Марио.

– Так нам сказали. Но не бывает планет, где нет купли и продажи.

– Существует Игона, – продолжал настаивать Марио.

– Прежде чем поверить, следует проверить, – возразил Ливиус. – Эти ребята из разведки считают себя всезнайками, а в половине случаев ошибаются. Вспомните-ка Мизар. Они утверждали, что техника туземцев не превышает уровня К-. А на самом деле оказалось, что они добрались до верного Д+. Просто туземцы предпочитали глинобитные хижины баракам из железобетона, пластической стали и стекла.

– Ошибка была исправлена, – заметил Марио.

– Исправили ее мы. В последний момент.

Они снова двинулись вперед. Грибной лес стал редеть, а сами грибы едва превышали человеческий рост. Семерка продолжала путь с предосторожностями.

Уже была видна граница плато. Вдали, по ту сторону гигантского разлома, в легком тумане проглядывала скалистая вершина. Далаам лежал внизу, в каньоне, и пока оставался невидимым.

Солнце спустилось уже к самому горизонту, когда они вышли на край обрыва. Период обращения Игоны вокруг своей оси составлял сто девяносто два стандартных часа, и им следовало привыкнуть к длинным дням и ночам. Они сделали большой круг, чтобы оставить тропу в стороне. Здесь местность была совершенно открытой. Позади них над грибами плавал красноватый туман, ленивый ветерок разгонял его.

Нападение застигло их врасплох. Они не успели ни броситься на землю, ни увидеть оранжевую вспышку – их окружило жаркое пламя. Но снаряжение сработало быстрее рефлексов. Энергетические щиты закрыли их до того, как излучение достигло опасного уровня. На шлемах с клацаньем раскрылись и пришли во вращение антенны датчиков, призванных установить источник термоизлучения.

Атака длилась не более сотой доли секунды.

Ливиус с кривой ухмылкой достал оружие.

– Успокойся, – крикнул Йоргенсен, – ты даже не знаешь, где они!

Стрелки индикаторов невозмутимо вращались с той же скоростью, что и антенны, не собираясь замереть. А ведь оружие такой мощности должно было иметь мощный генератор из металла, излучающий громадную энергию. Засечь такую штуку было проще простого. Но датчики не показывали ничего.

Люди даже не знали, в какой стороне укрыться. Конечно, энергетические щиты могли прикрыть их от любого излучения, но тратить запасы энергии, еще не вынудив противника нанести решающий удар, было неосмотрительно.

– Однозначного вывода сделать нельзя, – категорично заключил Шан д'Арг. – Либо на нас никто не нападал, и мы стали на сотые доли секунды жертвой галлюцинации, оказавшей воздействие на наши датчики, либо излучатель находится на расстоянии более тридцати километров, а это мало вероятно. Возможно, наш противник располагает миниатюрным адекватным снаряжением, которое практически нельзя засечь. Последняя гипотеза ничуть не менее фантастична, чем предыдущие. Подобным оружием в весьма ограниченном количестве располагает только Федерация. Оно предназначено для темпоральных командос и некоторых патрулей космической службы. Для его изготовления требуется уровень А+, то есть уровень развития передовых миров Федерации.

– Поищем укрытие, – предложил Нанский. Ему было явно не по себе. Его никто не считал трусом, но термоизлучение потрясло его. Отправляясь на Игону, он не допускал вероятности нападения. К тому же против них впервые использовалось могучее оружие. Он никогда не разделял прекраснодушной уверенности остальных в техническом превосходстве Федерации. Ему приходилось находить в космосе корабли, конструкция которых была ему совершенно непонятна, а происхождение и возраст неизвестны, и это не могло не давать пищи для размышлений. В космосе явно существовали, а может, и существуют цивилизации, уровень развития которых ни в чем не уступает Федерации.

– Зачем? – спросил Йоргенсен, следя за Ливиусом, срывов которого всегда побаивался. – Щиты работают, а противник с легкостью отыщет нас в любом укрытии. Мы

же не знаем ни где они, ни кто они.

– Думаю, будет разумным считать противника жителем данной планеты, и он прекрасно осведомлен о цели нашего прибытия, – с расстановкой произнес Арне Кносос. – Никто не стреляет по незнакомым людям без предупреждения, даже если они носят непривычную одежду. И только обитателям этой планеты есть смысл уничтожить нас.

Они уселись в кружок. Энергетические щиты светились непривычно ярко.

– На Альтаире появился предатель, – решительно заявил Ливиус. – Кто-то продал им оружие и сведения о нашей миссии.

Марио расхохотался.

– Среди твоих друзей слишком много уголовников, и ты привык смотреть на мир их глазами. Игонцы сами могли создать такое оружие.

– Значит, ошиблась разведка, присвоив им уровень К+.

– Возможно. Развитие Игоны могло быть весьма быстрым. Когда собирала свои сведения разведка? Пятьдесят или сто лет назад? А мы действуем на несколько десятков лет позже. Некоторые миры за такой промежуток времени успевают многое.

– Из твоих слов, Марио, вытекает и другое, – процедил Нанский. Его лицо посерело, черты заострились. – Они умеют перемещаться во времени. И перемещаются в пределах своей планеты. А потому знают, зачем мы явились.

– Глупости, – проворчал Эрин.

Йоргенсен поднял руку.

– Вы что-то хотите сказать, – спросил он, поворачиваясь к Нанскому.

Астронавт кивнул. Его руки слегка дрожали. Он глубоко вздохнул, приоткрыл рот, но никак не мог заставить себя заговорить.

– Существует одно предположение, – наконец решился он. – Никто из вас не решается выдвинуть его. Представьте, что наш противник явился не с Альтаира и он не уроженец Игоны. Он может представлять совсем иную цивилизацию.

– Невоз... – начал было Ливиус, но слова застряли у него в горле. Он уставился на Нанского. Потом медленно обвел взглядом лица остальных – скептические улыбки не могли скрыть ужаса.

«Такую возможность трудно представить, однако в глубине души каждого из нас поселился страх, – подумал Йоргенсен. – Только Нанский мог выдвинуть такую гипотезу, уж он-то знает космос. Другие просто не в состоянии допустить, что в Галактике может существовать иная межзвездная цивилизация, кроме Федерации. Всякий раз, отправляясь в экспедицию, мы задаем себе один и тот же вопрос: „Кто нас ждет, настоящий противник или нет? Может быть, этот противник уничтожит нас и тем самым преподнесет горький урок Федерации“.

Враг из космоса.

Или из времени.

– Нам надо избрать новую тактику, – сказал Йоргенсен. – Наши инструкции предполагали уничтожение ключевых пунктов Далаама и психологическую обработку некоторого количества аборигенов. Но теперь возникла принципиально новая ситуация.

Он отвечал за командос. В обычных условиях каждый из них знал, что должен делать. Но сейчас наступил кризис.

Он вдруг ощутил, как одиноки и беззащитны они, несмотря на свое вооружение и могущество. Сейчас Федерация ничем не могла им помочь. Надо было самим спасти собственную жизнь и обеспечить успех экспедиции.

Йоргенсен принял решение. Они снова двинулись в путь, но избрали иной боевой порядок. Они рассыпались по местности, удалившись на несколько сотен метров друг от друга. Время от времени они вглядывались в оставшийся позади грибной лес.

Они достигли края плато, нависшего над глубокой расщелиной. Туманная дымка скрадывала детали.

Они подошли к самому обрыву и расположились в защитном порядке. Антенны на

шлемах непрерывно вращались.

Йоргенсен лег на землю на самом краю пропасти и заглянул вниз. Рядом с ним стоял Эрин – носки его ботинок были буквально в миллиметре от пустоты.

Судя по картам, они вышли прямо к Далааму. Он должен был лежать у подножья.

Йоргенсен поискал глазами город – его не было. Он ожидал увидеть строения, улицы, машины, оживленную сутолоку. А внизу был лишь голубовато-оранжевый лес с пятнами полян. Деревья были настоящими великанами, некоторые экземпляры достигали трехсотметровой высоты.

Йоргенсен сменил настройку бинокля. Расстояние словно исчезло. Перестали мешать хлопья тумана. Йоргенсену казалось, что он парит над вершинами деревьев. Его внимание привлекло какое-то белое пятно – оно выделялось на фоне леса и земли. Строение. Неподалеку еще одно. И еще. Город постепенно обретал очертания.

Лес не просто скрадывал контуры города – он был его частью. Туземцы вырастили лес прямо в городе – у Йоргенсена исчезли всякие сомнения в этом. В остальной части ущелья не было даже признаков деревьев. В полученных ими данных о лесе не упоминалось. Там говорилось об обычном городе, характерном для формации полеводов и животноводов. Деревья в момент сбора информации еще не существовали.

«Сколько времени надо дереву, чтобы достигнуть трехсотметровой высоты? – спросил себя Йоргенсен. – Пятьсот, тысячу лет?».

Он еще раз переключил бинокль. Теперь он видел сквозь густую листву леса. Он словно опустился на дно ущелья. И сделал удивительное открытие – города как такового не существовало.

Йоргенсен встал и подозвал Марио.

– Что скажешь?

Марио пожал плечами. Он жевал питательную таблетку.

– Не будь этого солнца, рельефа и растительности, полностью соответствующих разведанным, я бы сказал, что мы не туда попали. Слишком много несоответствий.

– И город, – добавил Йоргенсен. – Он находится на указанном месте, но совсем не похож на город.

– Ну и что? – саркастически хмыкнул Марио. – А собственно говоря, что такое город?

«В самом деле. А что такое город? – задумался Йоргенсен, пытаюсь осмыслить отсутствие упорядоченности в расположении белых домиков, скрытых под сенью деревьев. – Место для совместной жизни множества людей? Комплекс расположенных по единому плану зданий, монументов и площадей?».

Он видел города более чем на сотне планет. Подземные города, города-небоскребы с многоэтажными улицами, подводные города и даже города в открытом космосе. Первобытные деревянные города и ультрасовременные города из стали и стекла. Но у всех у них была одна общая особенность. Улицы. Словно сеть или система капилляров.

В Далааме не было улиц. Только тропинки между домами, которые никуда не вели. Отсутствовало и подземное движение. Датчики обнаружили бы его. Движения вообще не было. Изредка они видели туземца, который неспешно трусил по тропинке, исчезал в густой тени у самого ствола дерева, затем появлялся снова или не появлялся вовсе. Обычно туземец шел с пустыми руками. И цель его перемещения оставалась неясной.

Не было в Далааме и памятников. И ничего, что хотя бы отдаленно напоминало официальное здание, общественное сооружение, мэрию, завод или даже просто хлев. Не просматривались дороги, по которым в город извне доставлялись бы продукты и промышленные товары. И никаких полей ни вокруг города, ни под деревьями.

Йоргенсен попытался прикинуть, сколько человек жило в этом лесу. Его аппаратура не позволяла заглянуть внутрь жилищ. У них были слишком толстые стены. Видно было с полсотни домиков, каждый из которых мог приютить пять-шесть человек. Лес раскинулся на несколько десятков квадратных километров. В Далааме могло жить тысяч пятьсот. Если не миллион.

А им сказали двадцать пять тысяч. В крупнейшем городе Игоны! Двадцать пять тысяч людей, занятых возделыванием земли, разведением скота, охотой. Никакой торговли. И никаких деревьев.

Сведения явно были ложными.

Йоргенсен выпрямился. Чистое небо. Солнце почти не сдвинулось. События на Игоне казались невероятными. Но реальность весомее любых, даже самых достоверных сведений.

Они ощутили движение земли под ногами через четверть секунды после того, как сработали датчики, и отпрянули от края пропасти. Вибрация усилилась. Противно заныло в лодыжках.

Йоргенсен понял, что последует дальше. Он подал знак «Прочь от края». Кнососа подвела нерасторопность. Трещина разверзлась раньше, чем он отшатнулся от бездны. Весь край обрыва рухнул в пустоту.

– Инфразвук, – рявкнул в наушниках голос Марио.

Кносос падал вместе с громадным обломком скалы. Когда скорость падения достигла угрожающего предела, автоматически включился антигравитационный парашют. Кносос завис над ущельем, глядя, как катятся вниз громадные камни. Когда до остальных донесся грохот, они бросились к краю пропасти. Обвал чудом не затронул лес.

А может быть, не чудом?

Кносос парил внизу, словно паук на паутинке. Затем он включил двигатель, медленно взмыл вверх и опустился рядом со всеми. Он улыбался, но в его лице не было ни кровинки.

– На этот раз пронесло, – выдохнул он.

Вторая атака была столь же внезапна, как и первая. Йоргенсен с тоской прикинул, какое по счету нападение сломит их дух. Морально они не были подготовлены к обороне, за исключением, наверное, молчаливого Эрина с его стальными нервами.

Йоргенсен вдруг сообразил, что слышит в наушниках голос. Говорил Марио, остальные внимательно следили за его речью.

– ...не были в настоящей опасности. До сих пор наши системы защиты срабатывали как надо. Если противник действительно осведомлен о наших целях и средствах, сомнительно, чтобы он стремился нас уничтожить. Это, скорее, похоже на предупреждение. Эдакий ультиматум – покиньте планету, иначе вам несдобровать. Думаю, нас хотят просто-напросто запугать.

Голос Марио был спокоен. Его слова, словно ледяной душ, окатили остальных, и Йоргенсен почувствовал, как тают его собственные страхи. По правде говоря, ни он сам, ни его компаньоны настоящего страха не испытывали. Их смтение объяснялось другим – они попали в центр невероятных событий, никак не вязавшихся с полученной информацией. Обстановка была выше их понимания. И посланца всемогущей Федерации, отправленного на захудалую планетенку, это не могло не унижать.

Йоргенсен снова посмотрел на город. Кое-что начало проясняться. Казалось, низкие строения объединены в группы от восьми до двенадцати домиков, связанных тропками. Группы между собой соединяли петляющие меж деревьев дорожки. Издали это все казалось формацией из гигантских живых клеток.

Поведение туземцев по-прежнему ставило в тупик – большую часть времени они разгуливали с пустыми руками и, похоже, не подозревали, что такое работа. У них не было даже никакого разделения труда. Более того, жители Далаама, казалось, вообще не имели профессий.

«Как живут туземцы? Где добывают пищу? Кто одевает их?»

Люди выглядели беззаботными – большего Йоргенсен с тысячеметровой высоты уловить не мог.

Быть может, в Галактике Игона наилучшим образом соответствовала понятию рая? Чиновники Арха обосновали необходимость «коррекции истории» Игоны «агрессивными и воинственными устремлениями ее обитателей». Это совершенно не вязалось с тем, что наблюдал Йоргенсен. Но официальные соображения Арха редко совпадали с истинными.

Они просто позволяли излишне щепетильным членам командос не испытывать угрызений совести. Единственное, что двигало Архом, было укрепление собственной власти.

Принципы «коррекции истории» были на удивление просты. В первые времена вмешательство командос было чисто материальным – физическое уничтожение неудобных людей, городов и целых планет. Но с веками появились иные способы воздействия. Командос обрабатывали коллективную психику общества. Они вводили в подсознание некоторого количества индивидуумов понятия, мнения, иными словами, «архетипы» мышления, которые через несколько десятилетий проникали в коллективное подсознание. И тогда вспыхивали войны, процветающие цивилизации гнивали по неведомым причинам. И никто не подозревал, что зародыши их гибели были привиты им десятилетия назад командос темпорального воздействия. Чаще всего эти зародыши представлялись безобидными мелочами, но, развиваясь, оборачивались социальным раком.

Таким чудовищно-безжалостным, невидимым и неотразимым оружием пользовалась Федерация в своей несправедливой борьбе с будущими конкурентами.

«Это – преступное оружие», – говорил себе Йоргенсен, наблюдая спокойную и счастливую жизнь далаамцев. В тщательно опечатанной металлической коробке, которая лежала в одном из его карманов, хранились записи для гипнотического внушения разрушительных идей. Ему захотелось выхватить эту коробку и забросить подальше. Но он не мог решиться на это. Его слишком долго воспитывали в духе верности Федерации.

«Что думают другие? Марио, по-видимому, все понимает, об этом говорит его снисходительная улыбка. Ливиус подчинился без рассуждений. Кносос – загадка, лицо редко отражает истинные эмоции этого человека. Остальных заботит собственно действие, а не цель, которую оно преследует».

Марио тронул Йоргенсена за плечо.

– Что будем делать?

– Меня мучает тот же вопрос, – ответил Йоргенсен.

Он обдумал все. Существовал лишь один выход, который на время разрешал все проблемы. «Неизвестно, согласятся ли остальные с моим решением», – подумал он.

– Надо возвращаться на Альтаир. Считайте это отступлением. Возникло слишком много новых факторов. Я не уверен в эффективности предложенного мне плана. Гипнотическое внушение может вызвать у туземцев непредвиденную реакцию и принести больше вреда, чем пользы. Быть может, туземцы способны создавать мозговой барьер. Я не могу брать на себя ответственность за возможный провал.

Здесь он лгал самому себе. И боялся, что другие прочтут правду на его лице. Он пытался понять, разгадал ли Марио истинную подоплеку его решения.

– Это означает, что на первом этапе туземцы одержали победу, – усмехнулся Марио. – Мы оставляем их будущее в покое. Они сумели посеять в наших душах достаточную панику, чтобы поколебать нас.

– Туземцы или кто-то другой, – тихо напомнил Йоргенсен.

– Вы верите в тезис Нанского?

– Не знаю, – признался Йоргенсен. – Но если он обоснован...

Марио глубоко вздохнул. Он старался казаться невозмутимым, но его снедало беспокойство.

– Понятно, – наконец выговорил он. – Я считаю ваше решение мудрым. И присоединяюсь к нему. Пусть ситуацию разберут люди Арха.

Йоргенсен облегченно вздохнул. Пока он одержал победу. Но он недолго радовался ей.

Небо над их головой было пустым и светилось, словно внутренняя поверхность раковины. На Игоне не водилось птиц.

Ливиус уже в третий раз упрямо повторял одно и то же:

– Такого еще никогда не случалось. Никогда ни одна командос не отступала.

– Неверно, – ледяным тоном перебил его Йоргенсен. – Сто двадцать семь лет назад

одна из командос вернулась, не выполнив программы. Ее члены единогласно решили, что вероятность успеха равна нулю. Именно такое решение я вам и предлагаю принять сегодня.

Марио, Кносос и Нанский присоединились к нему. Ливиус был против. Эрин молчал. Шан д'Арга мучила нерешительность, он колебался между желанием рискнуть и чувством верности Йоргенсену.

– Мы станем посмешищем Федерации, – сказал Ливиус.

– Но это лучше, чем вызвать ее гибель.

Ливиус разъярился.

– Меня ничем не напугаешь.

Лицо Нанского исказилось от гнева.

– Замолчи, – глухо сказал он. – Мы сотни раз доказывали, что не относимся к разряду трусов. Я боюсь лишь одного – допустить оплошность.

В разговор вмешался Шан д'Арг.

– Ливиус, я солдат. И уйду от опасности, кляня себя за трусость. Но Йоргенсен прав. Дело касается не только нас. Есть Федерация. И есть туземцы.

Лицо Йоргенсена просветлело. Еще один голос. Эрин присоединится к большинству. Осталось убедить одного Ливиуса.

– Можешь оставаться здесь, Ливиус, – отрезал Йоргенсен. – Веди войну в одиночку. Либо согласишься с большинством. Ты имеешь право выбора.

И тут же Йоргенсен сообразил, что допустил промах. Из-за волнения он сказал больше, чем хотел.

– Мы вернемся, – добавил он. – Мы отправляемся за новыми директивами. Следует предупредить Федерацию о наличии хорошо вооруженного противника. И обо всех изменениях. Мы не капитулируем. Времени у нас хватает и для отступления, и для победы.

Ливиус смотрел в землю и играл оружием. Он бросил взгляд в направлении Далаама. Деревья по-прежнему скрывали неведомую реальность. Он вспоминал о прошлых экспедициях, об империи полумразумных ящеров, которую они развалили на планете джунглей Бании, о кристаллах-математиках, которые свели с ума узальских гуманоидов на Ломире. Каждый раз задача была простой и конкретной. Здесь же не было никакой ясности. Его коробило от сознания, что он бежит от неразгаданной тайны.

– Будь по-вашему.

С его лица не сходила горькая усмешка.

Споры гигантских грибов покрыли землю толстым ковром красноватой пыли. Люди шли молча, держа оружие наготове. На шлемах вращались антенны датчиков. Йоргенсен ощупывал небольшую металлическую коробку. Далаам победил. Но жители его, казалось, вовсе и не подозревали о своей победе.

– Мы столкнулись с оригинальным обществом, – проговорил Марио. – У них, похоже, нет ни правительства, ни экономики, ни централизации. И в то же время они способны защитить себя. Интересно, что случилось бы, попытайся мы уничтожить лес?

– Думаю, мы потерпели бы крах, – задумчиво ответил Йоргенсен.

– Мне тоже так кажется. Город выглядел таким спокойным, а жители и не подозревали о нашем присутствии. И одновременно от леса веяло какой-то силой. И пока я смотрел на лес, мне было не по себе.

Остальные почти хором согласились.

– Вы считаете, что на нас пытались оказать психологическое воздействие? – спросил Нанский у Марио.

– Не исключено. Датчики не сработали. Но мы в принципе защищены от любой формы внушения. У меня сложилось впечатление, что лес скрывает что-то очень ценное, живое и могущественное, и мы не вправе уничтожить это. Интуитивное ощущение. Не больше.

– Я тоже ощущал нечто подобное, – согласился Йоргенсен.

– Прежде я никогда ничего похожего не испытывал, – признался Марио. – Может, иногда, слушая симфоническую музыку. Чувство, что ты на пороге какого-то нового,

неизвестного мира, в сущность которого до конца не проникнешь и к которому никогда не будешь принадлежать. Скорее всего, гнев Ливиуса вызван именно этим обстоятельством.

Ливиус шел в одиночестве, в стороне от других. Вдруг в наушниках взревел сигнал датчика, и все мгновенно застыли на месте.

– Там, – Ливиус махнул рукой в сторону двух грибов.

В красном тумане спор что-то двигалось. Несомненно, это был человек, но очертания его фигуры были неясными, словно он шел под защитой энергетического щита. Все бесшумно бросились врассыпную, пытаясь окружить незнакомца. Йоргенсен потерял их из виду, но благодаря датчикам знал точное местонахождение каждого.

– Может, наберем высоту? – предложил Ливиус. Голос его дрожал от возбуждения.

– Ни в коем случае. Оставаться на земле.

Это мог быть следивший за ними туземец. Но тогда почему так долго безмолвствовали датчики? «Туземец обнаружил себя сознательно», – подумал Йоргенсен.

Если это был туземец.

Первый разряд пронесся белой молнией, сбив шляпки с десятка вспыхнувших грибов. В небо взвились клубы красного дыма. Автоматически включилась защита.

– Не стрелять, – крикнул в микрофон Йоргенсен в момент, когда раздался второй энергетический залп. Разряд попал прямо в Ливиуса. Его щит налился белизной и снова стал невидимым, сыграв свою защитную роль.

Все семеро кинулись за туземцем. Заросли грибов становились реже, началась зона обвалов. Они часто теряли друг друга из вида, но датчики точно указывали положение каждого. Еще немного, и они настигнут беглеца.

– Взлет? – заорал Ливиус.

Йоргенсен колебался. Они могли включить антигравитационные блоки и пролететь над лабиринтом скал. Но тогда они станут уязвимыми, а у незнакомца вполне могло быть мощное и опасное оружие. Кроме того, они сразу открывали противнику свои тактические возможности. Рассудительность требовала хранить козыри до решающего хода.

– Давайте! – наконец решился Йоргенсен.

И почти тут же услышал яростный вопль Ливиуса.

– Мой блок не работает. Попробуйте свои.

Йоргенсен машинально нажал крохотную кнопку у пояса. Но вверх не взлетел. Он огляделся. В воздухе не было и остальных.

– Нейтрализующее поле, – крикнул Марио. – Ребята весьма сильны.

В его голосе слышалась нотка удовлетворения. Он оценивал ситуацию, как игрок.

И почти тут же он выстрелил. Энергетический разряд был средней силы, чтобы не убить, а оглушить беглеца. Выстрел попал в цель, но человек не остановился и скрылся за скалой.

– Щиты, – отчаянным голосом выкрикнул Нанский.

Йоргенсен кинул взгляд на бегущего впереди Марио. Защитного ореола у него не было. Йоргенсен не мог видеть собственный энергетический экран, но, бросив взгляд на контрольную шкалу на правом запястье, понял, что тоже остался без защиты.

Неведомый противник затеял с ними опасную игру.

Но не похоже, чтобы он стремился их уничтожить. Лишить их защитных экранов – значит, располагать более совершенной технологией и практически неиссякаемым источником энергии. Такой мог уничтожить их с самого начала. А он стремился их запугать. Может, это элементарный садизм? А может, желание доказать, что ни одно их оружие не причиняет ему ни малейшего беспокойства?

– Прекратить преследование, – приказал Йоргенсен.

– Попался, – раздался голос Марио в наушниках.

Марио выстрелил два раз. Йоргенсен не видел, как он стрелял, но отчетливо слышал легкий треск разрядов.

– Я прикончил его, – произнес Марио.

Но раздались новые залпы, и один разряд пронесся так близко от Йоргенсена, что на мгновение ослепил его. Он бросился на землю, затем вскочил на ноги и пустился бежать туда, где исчез Марио. Вскарабкавшись на скалу, он увидел внизу небольшую ложбину. Йоргенсен скользнул вниз и замер, оглушенный безмолвием. Некоторое время он стоял в полном оцепении, глядя на бешено вращающиеся стрелки датчиков. Ему вдруг стало понятно, что такое заблудиться. Он вспомнил, как давным-давно, еще в детстве, заблудился на Игоре-2. И хотя планета была мирной и ему ничто не угрожало, все звуки приобрели какой-то зловещий оттенок. Он шел вперед, ни разу не остановившись до самой зари. Отец отыскал его на берегу реки. Он ничего ему не сказал. Так и не перемолвившись ни словом, они вернулись домой.

Йоргенсен отогнал воспоминания. С большим трудом он вскарабкался на противоположный откос. Снова скалы. Он взобрался на самую высокую. Он никого не видел, наушники онемели. Он слышал лишь стук собственного сердца.

Стоит ли бояться? Если бы их хотели уничтожить...

Вдруг он заметил в расщелине Марио. Он махнул Марио рукой, но тот его не заметил. Йоргенсен бесшумно подошел к нему, стараясь не наступать на округлые камешки. Жарко припекало солнце, а комбинезон перестал предохранять от его лучей.

Марио не отрываясь смотрел на что-то лежащее позади скалы. Йоргенсену не надо было задавать вопросов, чтобы понять – произошло что-то невероятное. Йоргенсен подошел к Марио вплотную, но тот даже не повернул головы. Ему пришлось отодвинуть Марио в сторону, чтобы понять причину такого оцепенения.

Убитый был распростерт у подножья скалы. Ни один робот-хирург не смог бы вернуть его к жизни. Залп практически перерубил человека пополам.

На трупе была форма темпоральных командос. Но не это было главным.

Он как две капли воды походил на Марио.

Они с трудом передвигали ноги.

– Вы уверены, что мы идем правильно? – спросил Йоргенсен.

Эрин кивнул. Датчики отказали. Их единственной надеждой на спасение был темпоральный маяк. Если его удастся активизировать... Они сохранили при себе бесполезное теперь оружие. Мышцы налились усталостью. Из-под шлемов струился пот. «Мы уязвимы, как младенцы, – усмехнулся про себя Йоргенсен. – Беззащитны. Обнажены перед лицом неведомого и могущественного противника. И столь же безоружны, как, похоже, и жители Далаама».

Эта мысль поразила Йоргенсена. Может, именно в этом крылся ключ к разгадке? Может, это и хотел внушить им невидимый противник? В предыдущих экспедициях их противники не имели и шанса на успех. А командос действовали под защитой своих энергетических щитов, шлемов, термокомбинезонов. Их постоянно охранял кокон из аппаратуры. Они могли летать над континентами и океанами, общаться через толщу гор, они ежесекундно знали, где находится каждый член командос, где установлен темпоральный маяк, где расположен нужный город. Они всегда верили в себя и в свое оружие.

Но не сейчас. И не здесь. Сейчас и здесь, на Игоне, они были наги и безоружны. Всегда между членами командос и реальностью стояли машины. Иногда, ради спортивного интереса, они убирали их. Но машины были всегда рядом, готовые прийти на помощь, выручить, спасти от боли, усталости, смятения. Они никогда не вступали в настоящую драку. За них сражались машины, а им казалось, что они управляют ими. Федерацию охраняли машины, и люди верили, что, не будь их, они жили бы в постоянной опасности.

Но не сейчас и не здесь.

«Жители Далаама знают, что такое настоящая борьба», – с горечью думал Йоргенсен, и его мнение разделяли остальные. Они шли молча, опустив головы, борясь с жаждой (система регенерации воды тоже отказала), жарой и усталостью. «Жители Далаама преподают тебе урок, не спрашивая твоего согласия. Может, они хотят изгнать тебя со своей планеты. А

может, желают, чтобы ты спустился к ним, под сень их деревьев?».

Они оставили тело Марио-2 на месте гибели, поспешно осмотрев его. Сомнений не оставалось. Это был Марио. А другой Марио шел вместе с ними. Там, в герметичном мешке, остался абсолютный двойник Марио, с теми же отпечатками пальцев, теми же шрамами. Более тщательного обследования они сделать не могли – их инструменты не функционировали. Но иных доказательств и не требовалось. Они знали, с чем столкнулись.

С абсолютной идентичностью двух организмов.

Быть может, и существовали различия на клеточном уровне, но играло ли это сейчас какую-то роль? Во Вселенной не может одновременно существовать два совершенно идентичных предмета или существа, но в данный момент и в данной точке существовали два идентичных Марио. Различие между ними было небольшим. Один из них оказался проворнее и убил другого. Однако идентичное оружие у обоих не было отрегулировано на смертельную дозу. Сейчас один Марио лежал в герметичном мешке, а другой боролся с жаждой и усталостью.

«С кем из них я покинул Альтаир?» – спрашивал себя Йоргенсен, стараясь не глядеть в сторону товарища. – С кем из них я говорил о Далааме? С тем, кто умер? Тогда с нами идет лже-Марио, убивший одного из нас. А может, это мы одержали верх над противником? Или уничтожили призрак, предназначенный ввести нас в заблуждение?».

Все хранили угрюмое молчание. Ведь если идущий рядом Марио враг, они могут снабдить его информацией, которая обернется против них. Марио не протестовал против решения Йоргенсена. Необходимость его была очевидной.

Инженеры Службы времени и выборщики смогут решить задачу, если командос удастся вернуться на Альтаир.

Йоргенсену вдруг захотелось, чтобы их постигла неудача. У него мелькнула новая мысль. А не разыграли ли здесь, на Игоне, с ними мизансцену, дабы облегчить проникновение на Альтаир, в цитадель Федерации, вражеского агента, шпиона, посланного для раскрытия тайн путешествий во времени? Но в этом предположении отсутствовала логика. Невидимый противник показал свое очевидное могущество. И Йоргенсен не сомневался – такому врагу ничего не стоило незаметно просочиться на любую планету Федерации. Возможно, он не мог попасть туда в нужный ему год. Тогда невидимка стремится выйти к истокам наших коррекций времени, чтобы в свою очередь воздействовать на будущее Федерации.

Йоргенсена терзали сомнения.

– Я не узнаю местности, – сказал он. – Вот эти грибы были слева. Теперь они должны быть справа.

Эрин упрямо покачал головой.

– Нам осталось идти с час. Может, часа два. Но мы идем верно. Поглядите на горы.

Вся семерка доверилась его умению ориентироваться в горах. Если они пройдут мимо маяка, то не отыщут его и за десять лет. Красные споры скрыли все их следы.

«Час на размышления», – подумал Йоргенсен. Он попытался представить себе произведения Арана – тонкие хитросплетения дымчатых спиралей, принимающие окончательную форму под руками скульптора. Ему казалось, что они отражали образ времени, образ их судьбы, образ Игоны.

И любой щелчок извне мог изменить линии их судьбы.

3

Эрин поднял руку, и Йоргенсен сразу узнал поляну. Близилась ночь. Она продлится девяносто шесть часов, а за столь долгое время сильно похолодает. Их генераторы энергии не функционировали. Термоустройства комбинезонов отказали. Они рисковали погибнуть от холода, если не сумеют вернуться на Альтаир.

Да, это была поляна, на которую они прибыли несколько часов назад. Ливиус и Кносос

рванулись вперед, несмотря на невероятную усталость. Один Шан д'Арг сохранил свою быструю, упругую походку.

– Стойте, – крикнул Йоргенсен.

Все замерли на месте.

Йоргенсен потер лоб. Ему не нравилось то, что надлежало сделать.

– Марио. Бросьте оружие на землю, – приказал он твердо. – Расстегните пояс. Шлем можете оставить.

Марио медленно повернулся к нему. Потом улыбнулся. Его лицо было серым от пыли, под глазами чернели круги.

– Я вас понимаю, – произнес он. – Вы мне не доверяете и не уверены, враг я или нет.

– Я не имею права рисковать.

Йоргенсен расправил плечи, погладил правой рукой рукоять мертвого оружия. Закатное солнце бросало на его лицо красные блики. Марио устало уронил оружие к ногам. Затем открыл магнитную застежку пояса, и тот соскользнул на землю. Встроенный генератор энергии, антигравитационный блок, ядерные гранаты, симбиотический комплекс – все не работало, все превратилось в мертвый груз. Однако пояс служил еще и символом беспредельного могущества посланцев Федерации. «Теперь предел этому могуществу установила Игона», – подумал Йоргенсен. Он понимал чувства Марио, если тот был своим.

– Ливиус.

– Слушаю, – отозвался тот с недовольной гримасой.

– У вас сохранился кинжал?

Вопрос был излишним. Ливиус никогда с ним не расставался. Он был единственным в командос, кто искусно владел этим древним оружием. Он умел и метать его, и драться им. Даже Шан Д'Арг побаивался его ножа.

– Конечно, – ответил Ливиус, отбросив со лба прилипшие волосы.

– Будете следить за Марио, – Йоргенсен избегал смотреть на них. – При малейшем подозрительном жесте убейте его. Вы поняли? Повторите.

Ливиус посмотрел на Марио, потом на Йоргенсена и снова на Марио.

– При малейшем подозрительном жесте-убить его, – едва слышно выговорил он.

Остальные молчали. Их сапоги были запорошены красной пылью спор.

– Попробуем вернуться на Альтаир. Маяк прямо перед нами. Вы понимаете, что я не могу рисковать. Если подлинный Марио мертв, а с нами его копия, то в момент активации маяка его оружие заработает, и он, перестреляв нас, в одиночку отбудет на Альтаир и...

Он не кончил фразы.

– Я понимаю, – заговорил Марио. – На вашем месте я поступил бы точно так же. У меня нет средств доказать, кто я на самом деле.

«Никто из нас не может доказать, кто он, – вдруг сообразил Йоргенсен. На лбу его проступили бисеринки холодного пота. – Никто. Во время погони каждый из них на какие-то мгновения оставался один. Быть может, под одной скалой лежит труп Ливиуса, под другой – Кнососа, под третьей – Нанского, а под четвертой... У не могу доверять ни одному. И в состоянии ответить лишь за себя. А если я ошибаюсь и в самом себе?».

Он не решился поделиться своими соображениями.

– Идите первым, Марио, – приказал он, с трудом сглотнув слюну.

Марио повернулся и, переставляя одеревеневшие ноги, двинулся вперед. Ливиус, подобрав с земли оружие и пояс, пошел за ним следом. Остальные нехотя тоже тронулись с места. Небо слева горело адским пламенем, и только вершины гор сияли белыми шапками.

Замаскированный маяк высился посреди поляны. Йоргенсен облегченно вздохнул и едва сдержался, чтобы не рвануться вперед, подобно Кнососу и Ливиусу. Он уже не надеялся отыскать поляну и боялся, что маяка на ней не окажется.

Он приблизился к скале, провел ладонью по шероховатой поверхности и почувствовал легкий укол тока. Кончиками пальцев он нащупал выступ, за которым пряталась клавиша контакта. И нажал на нее. Но ничего не произошло. И прекратилось покалывание в пальцах.

Йоргенсен стал торопливо ощупывать выступ.

– Ливиус, – он пытался совладать с собственным голосом, – передайте мне оружие Марио.

Поймав брошенный пистолет, Йоргенсен ударил рукояткой по выступу – что-то могло заклинить.

Оружие со звоном отскочило от камня. Йоргенсен ударил сильнее. Болели все мышцы. Нестерпимо хотелось вновь услышать резкий и четкий альтаирский говор. Скала крошилась, летели осколки. Йоргенсен с остервенением колотил по камню. Наконец, обессилив, он повернулся к товарищам. Слова были лишними. Маяк стоял на прежнем месте. Но дверь на Альтаир захлопнулась. Замаскированный под скалу маяк, неизвестно отчего, стал камнем.

Марио, по-видимому, все понял и расхохотался. Их, как маленьких, обвели вокруг пальца. Они спрятали маяк, а противник отрезал им путь к отступлению, превратив его в скалу.

Они стали пленниками Игоны и скоро станут пленниками ночи. К тому же среди них, возможно, имеется враг.

Ножки грибов полыхали светлым пламенем. Ливиусу удалось разжечь костер самым древним способом – высекая искры из камня.

Члены командос с недоумением смотрели на пламя – большинство из них видели огонь впервые.

Они инстинктивно уселись вокруг костра, протянув к огню озябшие руки и ноги. Ливиус играл кинжалом, искоса поглядывая на Марио и напевая песенку, которая с детства запала в памяти.

«Итак, мы заброшены на тысячу лет назад. Нет, не на тысячу, на сто тысяч лет назад, – думал Йоргенсен. – Мы впервые совершили настоящее путешествие во времени. Попали в эпоху, когда человек с голыми руками один на один выходил на дикого зверя, высекал огонь и даже не подозревал, что когда-то покинет Землю и поселится в космосе».

Ножки грибов горели с веселым треском. Отрешившись от всего, Марио не мигая смотрел на пламя.

«Еще девяносто часов ночи», – прикидывал Йоргенсен. У него пересохло в горле. Они выпили всю воду, выработанную симбиотическим комплексом. С рассветом придется отправиться на поиски воды, а она, скорее всего, находится на дне ущелья, рядом с Далаамом.

«Кроме огня и голых рук нас с нашими далекими предками сближает еще одно, – решил Йоргенсен. – Недоверие». Они замкнулись в себе, не зная, кто прячется за лицом друга, бок о бок с которым не раз приходилось сражаться. Наверно, нечто подобное испытывали первобытные охотники. Сотрудничество, взаимное доверие явились плодом многовекового пути вверх по ступеням цивилизации.

«Недоверие – истинная причина нашего пребывания здесь, – неожиданно осенило Йоргенсена, и эта мысль словно разогнала мрак ночи. – Именно потому, что Федерация не доверяет будущему иных миров, мы и призваны действовать. Самый сильный или самый умный из первобытных охотников постоянно был начеку, боясь и сородича, и соседнего племени. И вот Федерация, могущественное цивилизованное объединение миров Галактики, мыслит и действует столь же примитивно, как и первобытный охотник».

Зловещая тень недоверия как-то сразу разделила и семерых членов командос, и то же недоверие опутало тяжелыми кандалами Марио. Но оно было лишь отражением недоверия Федерации к иным мирам. Они боялись, что Марио окажется чужаком, врагом – возможно ли допустить, что чужой может быть другом, ведь они сами прибыли на Игону тайно, по-воровски.

Так и случилось.

Обитатели Игоны, возможно, жители Далаама, а может, таинственные пришельцы, поставившие их в критическое положение, расплатились с ними их собственной монетой.

Семерка явилась на Игону в полной уверенности, что далаамцы бессильны против нее, а теперь беспомощной оказалась она. Каждый из них нес в себе недоверие, страхи и ненависть Федерации, и все это обернулось против них.

«Игона стала зеркалом, – размышлял Йоргенсен. – Она отразила наше истинное лицо. Явись мы сюда безоружными, с сердцем, исполненным дружбы и доверия, спроси мы далаамцев, что они думают о жизни и что мы можем им предложить... А что мы могли бы им предложить?

Наше могущество?

Но они раздавили нас, как мух.

Явись мы с нашими проблемами, нашими жизнями, нашим будущим ради того, чтобы договориться, а не разрушать, был бы иным результат?

Нет на это ответа. И не будет, если только не пойти с расспросами к жителям города. Ведь они не убили нас, как поступили бы на их месте мы. Они пригрозили нам нашим же оружием, они оглушили нас дубинкой нашего же страха. И на этом не остановятся, сомневаться не приходится. Они ни к чему не принуждают нас. Они всего-навсего обращают против нас наше оружие, топят нас в болоте наших же проблем».

Напрашивалось единственное решение. Оно было светлым, как огонь, жгучим, как огонь, страшным, как огонь, и, словно огонь, оно могло рассеять мрак ночи.

Йоргенсен решил сделать первый шаг к восстановлению доверия.

– Спрячь кинжал, Ливиус, – начал он. – А ты, Марио, забудь о моих словах. Я ошибся. Я верю, что ты свой. Думаю, тот Марио в скалах был лишь ловкой подделкой, дабы ввести нас в заблуждение. Не обмануть, а направить наши мысли по новому пути. До сих пор мы шли ложной дорогой.

– Вы хотите нашей гибели, – прервал его Ливиус. – Только осторожность может нас спасти.

Шан д'Арг отвернул лицо от огня.

– Я не столь категоричен, как Ливиус, – сказал он, – но я тоже не понимаю вас. Откуда вдруг столь резкая перемена?

– Мне кажется, я кое в чем разобрался, – ответил Йоргенсен. – Я могу ошибаться, но готов пойти на риск. Предлагаю вам последовать за мной.

– Что вы понимаете под риском? – резко спросил Нанский.

Йоргенсен не стал отвечать ему.

– Я хочу отправиться в Далаам, – сказал он. – Я спущусь в город и вступлю в контакт с аборигенами. Я хочу понять, что происходит, и уверен, Далаам поможет мне в этом.

– Вы не имеете права так поступить, – вмешался Кносос. – Правила запрещают всякий контакт с туземцами. Альтаир...

Йоргенсен подбросил в огонь ножку гриба. В небо взметнулся вихрь искр.

– Альтаир! – воскликнул он. – Кто из вас может показать мне на небе, где находится Альтаир? И в каком веке истории Альтаира мы живем в данный момент? Есть ли у нас шанс попасть на Альтаир в наше время? И вспоминают ли о нас люди Альтаира?

Он поднялся. На фоне костра плясала его тень. «Прекрасная мишень, – мелькнула мысль. – Пусть она будет еще больше, чтобы далаамцы, следящие за нами из тьмы, знали, что я не боюсь нападения с их стороны».

– Альтаир и его правила, Федерация и ее законы – мертвые слова для нас в нашем положении. Рядом с нами другой мир. Мне надлежит отправиться туда и понять, что происходит.

– Еще ни одна командос... – начал Кносос.

– Знаю. Но еще ни одна командос и не оказывалась пленницей планеты. Такое, наверно, должно было случиться. В какой-то мере я рад, что это случилось с нами, а не с другими.

– Почему?

Йоргенсен заколебался.

– Не знаю. Не в силах вам объяснить. Пока. Уверен только, что я прав.

Он не мог толком объяснить своих ощущений. Интуитивное понимание того, что ответ следует искать именно в Далааме, пришло внезапно. В путь следовало тронуться немедленно, пока сомнения не изменят принятого им решения. Каждый должен был прийти к этому сам. Он оказался первым. А может, Марио понял все раньше его и именно поэтому появился мертвый двойник...

– Вы больны, – сказал Кносос. – Вас бьет дрожь.

Йоргенсен покачал головой.

– У меня еще никогда голова не работала с такой ясностью.

– Вы идете навстречу смерти.

– Навстречу? Думаю, вы понимаете, мы живы сейчас по их воле. Если бы они собирались перебить нас, они давно бы это сделали, не подвергая себя опасности. Они могли убить нас, заменить двойниками и отправить их на Альтаир.

– А вместо этого они отрезали нам путь к отступлению.

– И приглашают нас тем самым в их город. Они намерены встретиться с нами. Не думаю, чтобы они питали к нам ненависть. Скорее всего, ими движет любознательность. Мне следовало понять это, увидев их поселение. Но я думал лишь о выполнении нашей разрушительной миссии.

– А теперь? – спросил Кносос.

– Теперь я хочу встретиться с ними.

– И сообщить им, зачем мы сюда явились, что нам известно о путешествиях во времени?

– Возможно. К тому же, полагаю, этих тайн для них не существует. Оружие наше потеряло силу. Путешествия во времени для нас прекратились. Остались они и мы.

– Я не пушу вас, Йоргенсен. Координатора можно сместить во имя командос.

– Вы ошибаетесь, Кносос. У нас нет ни оружия, ни аппаратуры, а значит, нет и командос. В чем сила и слитность командос? В технической оснащенности, в невероятном могуществе. У нас ничего не осталось кроме людей. Каждому следует глянуть истине в глаза. Не усложняйте создавшегося положения, Кносос. Клянусь, я знаю что делаю.

Кносос кинулся прямо через костер на Йоргенсена. Он оглушил бы Йоргенсена рукояткой пистолета, если бы координатор не отклонил голову. Удар пришелся по плечу. Йоргенсен скривился от боли, отскочил назад и принял оборонительную позу. Он жалел, что снял шлем. И едва успел согнуться, чтобы парировать удар ногой. Но все же носок сапога пришелся ему в живот – у Йоргенсена потемнело в глазах. Преодолевая боль, он бросился вперед. Правым кулаком с силой ткнул Кнососу в грудь, а ребром левой ладони попытался ударить по горлу, но Кносос отскочил в сторону. Йоргенсен потерял равновесие и рухнул лицом вперед. Он тут же сжался в клубок и мгновенно вскочил на ноги. Его тренированное тело сражалось само, а разум наблюдал за схваткой как бы со стороны. «Мы сцепились, как первобытные охотники, голыми руками, не хватая пустить в ход когти», – подумал он.

Йоргенсен слышал прерывистое дыхание соперника и стук ударов. Кносос споткнулся. Йоргенсен прыгнул и ногой ударил по руке Кнососа, сжимавшей оружие. Оно отлетело далеко в сторону.

Но тут Кносос схватил Йоргенсена за ноги и крикнул:

– Помогите мне! Держите его!

Никто не шелохнулся. Люди с застывшими лицами наблюдали за схваткой. Дерущиеся свалились на землю рядом с костром, Йоргенсен оказался внизу. Пальцы Кнососа вцепились в его горло. Йоргенсен напрягся, выгнулся и переброшил противника через себя.

Йоргенсен открыл глаза, с наслаждением вдохнул воздух и медленно привстал. Тело ломило. Вдруг он услышал нечеловеческий вой и понял, что слышит его уже давно...

Выл Кносос. Он лежал посреди костра. Остальные оцепенело смотрели на него.

«Я победил, – думал Йоргенсен, потирая подбородок. – Вот я и великий охотник».

Он бросился в огонь, схватил Кнососа за руку, выволок его из костра и, оттащив

подальше, тяжело опустился на землю. Как во сне, он слышал стоны Кнососа и видел, как Шан д'Арг разрезал на нем одежду и, достав из пояса флакончик, стал втирать его содержимое в обгоревшую кожу.

Йоргенсен поднялся, чувствуя дрожь в ногах. У Кнососа была повреждена рука, и Шан д'Арг осторожно ощупывал ее.

– Ничего страшного, – сказал он. – Еще легко отделался.

– Почему никто из вас не вмешался? – спросил Йоргенсен.

– Это был ваш бой. Вы победили, – ответил за всех Шан д'Арг. – Если бы не бросил вызов Кносос, вам пришлось бы иметь дело со мной.

Йоргенсен молчал, глубоко дыша. Он отбросил свой пояс в сторону, подобрал кинжал Ливиуса и разрезал комбинезон.

– А теперь? – спросил он.

Шан д'Арг ответил, не поднимая головы:

– Вы можете спокойно отправляться в Далаам. Вы победили. Я не могу драться с вами после того, как вы истратили все силы.

– Сильный всегда прав, – с горечью проговорил Йоргенсен, сплевывая кровь.

– Сила здесь не при чем, – возразил Шан д'Арг. – Это была схватка мужчин. Вы победили. Вот и все.

Йоргенсен задумчиво глядел на него. Он с трудом понимал Шан д'Арга, который хорошо разбирался в рукопашном бою, умел понять и победителя, и проигравшего. В его словах крылась истина, но Йоргенсен едва угадывал ее. Для Шан д'Арга главным было то, что точка зрения Йоргенсена противоречила принципам командос. Кто-то должен был вызвать Йоргенсена на дуэль, чтобы защитить ее честь. Теперь Йоргенсен победил, и понятие собственной чести не позволяло Шан д'Аргу ставить под сомнение исход и смысл дуэли. Он не будет драться с усталым человеком. С его точки зрения, это было бы низостью. Победив Кнососа, Йоргенсен завоевал право поступать по-своему.

– Я ухожу, – сказал он.

– Будь по-вашему, – согласился Шан д'Арг. – Подождите секунду.

Он открыл одну из коробок, висящих на поясе, и достал мешочек, наполовину наполненный водой, – все, что осталось от его симбиотического комплекса. Он протянул его Йоргенсену.

– Возьмите. Он вам пригодится. У меня хватит воды для Кнососа.

– А вы сами?

– Завтра мы спустимся в долину и отыщем источник.

– Спасибо, – поблагодарил Йоргенсен. Он не имел права отказываться. Он посмотрел на костер и четверку остальных, затем повернулся и сделал несколько шагов.

– Я иду с вами, – крикнул Марио.

– Нет, – ответил Йоргенсен не оборачиваясь. – Позже, если захочешь, пойдешь. Но сейчас я должен идти в одиночку.

У него кружилась голова. «Дрался я в одиночку. А потому и должен идти один. Каждый из них должен сам понять, почему ему следует идти в Далаам».

Он подобрал и застегнул на себе пояс. Сунул за него кинжал Ливиуса. Отныне он был орудием труда.

– Прощайте, – сказал он так тихо, что его, похоже, и не услышали.

Он ускорил шаг и растворился во мраке ночи. Вскоре небосвод потемнел, звезды затянуло тучами, и огромные капли дождя освежили его разгоряченное тело.

Когда Йоргенсен проснулся, его удивило, что все еще стояла ночь. Он глянул на часы – проспал пятнадцать часов. До рассвета оставалось еще целых шестьдесят часов.

Он расстегнул пояс и взмахом кинжала срезал с него оружие и аппаратуру. Затем принялся кромсать на себе одежду. Синтетическая ткань поддавалась с трудом, что только удвоило его рвение. Он хотел войти в город, как туземец, оставив только часы, хотя вовсе не

был уверен в том, правильно ли они идут.

Босиком, полунагой, Йоргенсен ощутил себя свободным. Он провел рукой по лицу, пальцы нащупали запекшуюся кровь и щетину пробившейся бороды.

Он сложил все в кучу – может, туземцам сгодится. Затем поднял фонарик. Он был размером с палец, и его луч бил на добрый километр. Сейчас же он светил не ярче свечки. Странно, что он вообще работал. Видно, нейтрализующее поле не совсем вывело его из строя. А может, таинственный противник решил дать им шанс в этой непроглядной ночи.

Он побаивался спуска в Далаам и решил идти по тропе.

Та отыскалась у самого обрыва – ее обозначали едва светящиеся камушки. Этого было достаточно, чтобы не сбиться с пути. Далаамцы, по-видимому, пользовались тропой и по ночам.

Дорожка втянулась в узкое ущелье и круто пошла вниз. Йоргенсен замедлил шаг. Стена справа исчезла. По слабой фосфоресценции вдоль края тропы он угадал пропасть. Она была бездонна, как небо, но пугала сильнее – в ней не светилось ни огонька, ни звездочки.

Некоторое время он шел, прислушиваясь к шороху камушков, срывавшихся из-под ног. Шагать вдоль вертикального обрыва в темноте ночи было легко и приятно. Даже пропасть уже не страшила, а манила своей неизвестностью.

Глянув вниз, Йоргенсен увидел на дне ущелья бледноватое свечение. И чем ниже он спускался, тем четче вырисовывались контуры этого опалового облачка. Выделялись более светлые участки, а темные зоны походили на наброшенную сверху сеть. Это был ночной Далаам.

Свечение не было искусственным и, похоже, рождалось в воздухе. С высоты, где находился Йоргенсен, было видно, что свет исходит не от фонарей. Он как бы пронизывал лес. Скорее всего, светились сами деревья. Светящиеся камушки вдоль тропы свидетельствовали, что в почве много фосфоресцирующих веществ. По-видимому, деревья накапливали энергию в дневное время, а ночью освещали город.

Такой симбиоз города с лесом поразил Йоргенсена. Если туземцы специально вывели такой вид деревьев, значит, они обладают глубокими познаниями в области генетики. Еще одна загадка Игоны!

Как только огромные круглые листья сомкнулись над головой Йоргенсена, ярче засветилась тропа. Он понял, в чем дело, через несколько метров: тропинка бежала вдоль чудовищных размеров ветви, во всем повторяя ее изгибы. После двух или трех поворотов он оказался у широкого отверстия в стволе.

Йоргенсен застыл в нерешительности. Не иначе, это был вход в город. Ни охраны, ни предохранительных устройств. Тишину нарушал только шорох листвы. Вокруг ни души. Решившись, Йоргенсен сделал шаг внутрь дерева. В конце концов, он явился в город с открытым забралом и без оружия в руках. Само по себе это было риском.

Туннель вился внутри ствола. Свет сочился из его гладких овальных стен, потолка и пола. Метров через двести туннель кончился. Дорожка снова наклонно побежала вдоль ветви. Дерево, росшее рядом с обрывом, было самым громадным в лесу. Земли еще не было видно. В глубине леса было темнее, кроны деревьев служили здесь не только источником света, но и своего рода крышей.

Дорожка раздвоилась. Ветвь поменьше уходила вверх, а побольше – вниз. Йоргенсен без колебаний выбрал спуск. Ему хотелось поскорее оказаться в городе. Поражал размах ветвей. Позже он понял, что мощные ветви опирались на кроны более низких деревьев, вернее, лес состоял из нескольких связанных друг с другом ярусов и именно они составляли «кварталы» города. Пока все это вызывало только восхищение.

Он ступил на землю, почти не заметив перехода. Но через несколько метров дорожка, петлявшая среди слабо фосфоресцирующей травы, оборвалась.

Йоргенсен в недоумении остановился. В разные стороны разбегалось с полдюжины узеньких тропок, которые исчезали позади циклопических стволов. Он немного помедлил, а потом двинулся по крайней левой. Он осторожно шел вперед, пока не заметил сложенное из

огромных камней жилище – низкое одноэтажное строение с плоской крышей и высокими узкими окнами. Внутри было темно. Тропинка упиралась прямо в крылечко со светящейся дверью.

Никаких признаков жизни. Ни шума, ни дымка над крышей. Йоргенсен обогнул жилище на почтительном расстоянии и наткнулся на другую тропинку, которая вела к еще одному такому же домику – из-за стволов виднелась лишь часть его стены. Именно таким он видел город в окуляры своего ордзи-бинокля.

Йоргенсен вернулся на первую тропку, не зная, что предпринять. Можно было подойти к двери и постучать. Если ему откроют, он постарается объясниться на игонском – мнемотехники обучили их местному языку еще на Альтаире. Если никого не окажется, он обследует жилище и отдохнет.

Но Йоргенсена смущало, что его внешний вид может отпугнуть туземцев. К тому же он слишком мало знал обычаи далаамцев, а потому решил прилечь в траву и понаблюдать. Он лежал у самого ствола, не спуская взгляда с двери дома. Ожидание длилось так долго, что он потерял всякое ощущение времени. Раз два или три он даже засыпал.

Начинала мучить жажда. Воду он выпил еще по дороге. Оставалось только проглотить несколько питательных таблеток. Таблетки сразу прибавили сил. Лицо перестало саднить, но тело нещадно ломило.

Его разбудил легкий скрип открывающейся двери. Чья-то тень выскользнула наружу. Оказалось, это женщина, юная женщина, даже девушка. Коротко стриженные светлые волосы, легкая туника. Девушка казалась гибкой и отличалась великолепным сложением. Она была красива какой-то природной диковатой красотой, спокойной и умиротворяющей – полная противоположность вызывающей и утонченной красоте женщин, к которой привык Йоргенсен.

Девушка несла деревянное ведро – оно тоже светилося. Она прошла мимо Йоргенсена, не заметив его. Он пропустил ее вперед и, по-кошачьи крадучись, двинулся вслед за ней.

Вначале ему показалось, что она идет босиком, но потом он заметил на тропинке следы сандалий. Она свернула за дерево, и он потерял ее из виду. Йоргенсен ускорил шаг, думая, что она ушла вперед, но так и не догнал ее, хотя дошел до развилки. Он повернул назад, внимательно оглядываясь по сторонам, и разглядел едва приметную тропку, уходившую в сторону гигантского ствола. Он поднял глаза – над головой, метрах в тридцати, светился сплошной свод листвы.

Йоргенсен решительно направился к дереву. Тропка огибала его. Трава была примята, значит, девушка только что прошла здесь.

Он едва не миновал узкое отверстие в стволе и только краем глаза уловил движение внутри. Йоргенсен осторожно заглянул в дупло. Девушка напевая выполняла какую-то непонятную работу. Закончив, она набрала воды в ведро и выпрямилась.

Йоргенсен отскочил за ствол и упал в траву. Но девушка не заметила его и спокойно удалилась с ведром в руке.

Он выждал несколько минут и осторожно приблизился к дуплу. Внутри, как он и ожидал, было светло. Дупло не походило на дело рук человеческих – нигде не было следов инструмента, кора выглядела нетронутой. Дерево не было пустым, как это бывает с мертвыми гигантами. Оно, казалось, так и выросло.

Йоргенсен проник в отверстие. Внутри было просторней, чем казалось с первого взгляда, и совершенно пусто. Вначале он решил, что дупло служит жилищем или хранилищем. В глубине складки древесины образовали круглые корытца. Через край одного из них переливалась прозрачная жидкость. Другое было доверху наполнено какой-то сметаноподобной кашцей. Но больше всего Йоргенсена поразило содержимое третьего корытца. В нем были плоды.

Карман в толще древесины служил естественным укрытием для плодов. Цветы и плоды не могли развиваться на ветвях – их опыление и созревание в условиях Игоны были невозможны. Эволюция нашла выход. «А может, это туземцы создали вид, наилучшим

образом отвечавший их потребностям?» – мелькнула мысль у Йоргенсена. Так было легче собирать урожай. Корытца служили поддонами, как при гидропонике.

Йоргенсен окунул палец в жидкость и поднес его к губам. Вода. Чистая и свежая. Он набрал ее в ладони и напился. Затем плеснул в лицо и сразу ощутил прилив бодрости. Уровень воды в корытце не понизился.

Он попробовал кашу. Сладковатая масса имела вкус миндаля. Но Йоргенсен не решился утолить голод. Он слишком мало знал о флоре Игоны. Даже вода могла оказаться опасной.

Его охватило какое-то эйфорическое состояние. Ему стало ясно, почему далаамцы не возделывали земли и не занимались коммерцией. Их кормили деревья.

И даже одевали. Рядом с последним корытцем виднелась расщелина, но на самом деле то была тонкая пленка отслоившейся растительной ткани. Йоргенсен пощупал ее – она напоминала тонко выделанную кожу.

Воздух был насыщен запахом ванили. Он глубоко вздохнул. Вдруг на него навалилась усталость. В дереве он чувствовал себя в полной безопасности и решил отдохнуть тут же на полу.

Сон сморил Йоргенсена почти мгновенно. Потом начались сновидения.

4

В своем сновидении Йоргенсен шел среди толпы по улицам города. Но люди глядели сквозь него, словно его не существовало. И сам он не успевал рассмотреть их лиц. Он шел слишком быстро. Иногда он пытался замедлить шаг, но ничего не получалось. Улицы вели вниз и становилось все уже, так что вскоре, несмотря на середину дня, его окружил полумрак. Высокие стены домов едва не соприкасались в вышине. Он силился увидеть небо, но не мог поднять голову – мышцы не повиновались ему.

Неожиданно Йоргенсен очутился на громадной пустой площади, окаймленной лестницами, и спустился к центру этой гигантской круглой арены. Он чувствовал, что площадь кишит народом, но никого не видел. Ему все труднее было пробираться вперед, хотя путь, казалось, никто не преграждал.

Он увидел в центре площади скульптуру, которой до сих пор не замечал. Это был шар, установленный на широком пьедестале. «Не иначе, символ времени», – подумал он. Шар имел и еще какой-то другой смысл, он когда-то знал его, но теперь забыл. Стершиеся неровности на поверхности шара напоминали лицо. Знакомое лицо, но он не помнил имени этого человека. Он направился к шару, чтобы получше рассмотреть его.

Из-за шара выпрыгнул человек, одетый в яркие, слепящие одежды, похожие на необычный комбинезон. Человек был очень высок, череп его сиял, словно выбритый. Йоргенсен откуда-то знал, что незнакомец помешает ему приблизиться к шару, а возможно, и убьет. Ему хотелось скрыться. Он чувствовал себя беззащитным. Но отступить было некуда. Толпа отрезала все пути к отступлению и несла его прямо к шару.

Он бросился назад, надеясь уйти от преследователя. Площадь превратилась в арену, которая с каждым мгновением сужалась. Вдруг ему показалось, что он будет спасен, если коснется шара.

Задышавшись, он рванулся к шару, но враг вдруг преградил ему путь, сжимая в руке оружие.

Йоргенсен впился глазами в лицо противника и узнал... самого себя. Это не было отражением в зеркале. Перед ним стоял он сам, собственной персоной. И Йоргенсен понял, что умрет от руки своего двойника, как и Марио.

Он шевельнулся. Сон оборвался, затем возобновился, и каждый раз он знал, что уже попадал в подобную ситуацию, но не помнил когда. Каждое сновидение кончалось одинаково. И с каждым разом в душе его росло желание узнать, что случится после того, как его убьют, но в последнее мгновение сон прерывался. С каждым сновидением он чувствовал

себя все более изможденным. Он знал, что в конце концов его убьют по-настоящему.

Чьи-то руки трясли его за плечи. Но он не хотел просыпаться. Он ощутил, что его подняли и куда-то понесли.

Йоргенсен открыл глаза. В комнате царил полумрак. Сквозь узенькое оконце сочился дневной свет, выхватывая полоску деревянного пола. Он услышал далаамскую речь. Глуховатый голос принадлежал молодой женщине.

– Вы вернулись издалека. И как вы умудрились заснуть внутри дерева. Это могло закончиться смертью. Вам повезло, что я наткнулась на вас.

Во рту у Йоргенсена так пересохло, что первые звуки, которые ему удалось выдавить, походили на кваканье. Он сделал глотательное движение. Голова разламывалась от боли. Он приподнялся на локте и узнал девушку. Это ее он видел накануне ночью. Накануне ли? Сейчас стоял день. Значит, прошло около сорока часов. Неужели он проспал все это время? Что случилось с остальными?

Он лежал совсем голый под одеялом из того же вещества, что и туника девушки.

– Пить, – с трудом выдавил Йоргенсен.

Девушка поднесла ему деревянную миску, полную воды. Он с жадностью осушил ее.

– Меня зовут Анема.

– Йоргенсен. Я... прибыл издалека.

– Знаю. Вы уроженец другого мира. Лежите спокойно. Случившееся с вами уже не имеет никакого значения.

– Откуда вам это известно?

Он не так представлял себе первую встречу с игонцами.

– Неужели вы думаете, что далаамец может довести себя до такого состояния? Посмотрите на себя.

Она протянула ему металлическое зеркальце. Он инстинктивно отпрянул. Его отражение напомнило ему стершееся воспоминание, которое никак не желало всплывать в его сознании. Лицо в зеркале выглядело невероятно худым. Черты лица заострились. Перед ним была маска человека, увидевшего нечто более ужасное, чем сама смерть.

Анема положила зеркальце на низенький столик, как бы выросший из пола. Йоргенсен пригляделся к нему. Столик в самом деле рос из пола и был его частью. Он походил на нарост дерева. «Почему далаамцы не живут в домах, выращенных деревьями?» – подумалось ему. И тут же он ответил сам себе – деревья выделяли продукты распада.

– И отравился, – попытался он было объяснить девушке.

Анема покачала головой.

– Нет, – ответила она. – Деревья не могут причинить зла. Они *не хотели* вас отравить.

– Но у деревьев нет воли, – возразил он. Ему было трудно выразить свою мысль по-далаамски.

– Нет, – повторила она. – Все иначе.

Она задумалась.

– Можно сказать, что деревья в какой-то мере делают то, что хотят. Они соглашаются давать нам то, что дают. Я не очень в этом разбираюсь. Лучше спросите у моего третьего отца. Он долго изучал взаимоотношения между нами и деревьями. Он говорит, что не знает точно, в полной или неполной зависимости находимся мы от деревьев.

Йоргенсен про себя отметил ее слова «третий отец». Такого понятия не было в том игонском, которому его обучили мнемотехники. Казалось, и сам язык Игоны изменился. Он понимал некоторые слова, произнесенные Анемой, лишь добираясь до их корней. Язык Игоны отражал совершенно иную концепцию мира, чем язык Федерации. Но пока было рано решать, в чем истинный смысл различий.

Анема быстро и непринужденно сдернула с него одеяло. Йоргенсен побагровел. Он привык придерживаться иных манер, но совладал с собой и старался сохранять бесстрастное выражение лица, пока девушка растирала его тело каким-то бальзамом.

– Когда вас принесли сюда, ваши мышцы были затвердевшими, как дерево. Я никогда не видела столь напряженного тела. Будь ваши кости более хрупкими, вы не обошлись бы без переломов. Я боялась, что вас разобьет паралич. Но теперь вам значительно лучше.

Йоргенсен так не считал. Ему казалось, что на теле не было живого места. Неприятные воспоминания цеплялись за границу сознания.

– Но кто виноват, что я чувствую себя таким больным и разбитым, – спросил он, – если деревья не могут причинить зла?

Ответ был мгновенным и совершенно неожиданным.

– Вы сами, – сказала Анема. – Вы, наверно, до смерти ненавидите самого себя, если дошли до такого состояния. И едва не убили себя. Зло сидит в вас.

«Она говорит, как психоаналитик, – подумал он. – Совпадение ли это? Она считает, что виной всему мой сильнейший невроз».

Эта мысль ему не понравилась. В своем мире он считался нормальным человеком. Но в каждом обществе свои нормы, а с момента, когда с вершины обрыва Йоргенсен увидел Далаам, он вел себя не свойственным ему образом и сознавал это.

– Вам следует поспать.

Она положила руку ему на лоб.

– Вы заснете.

– Я боюсь. Я не хочу засыпать.

Анема удивленно раскрыла глаза.

– Вы помните свое сновидение?

– Сновидение? Какое?

– Жаль, – вздохнула она. – Если бы вы помнили сновидение, то были бы практически здоровым. Однажды вам придется вернуться в дерево, чтобы досмотреть свой сон. Деревья не могут вылечить столь больного человека, как вы, за один сеанс. Вы получили массивную дозу. Для начала хватило бы нескольких минут.

Он понял лишь какую-то часть ее слов.

– Я был болен? Деревья могут лечить?

Лицо Анемы вдруг сделалось серьезным.

– Нам это известно с детства. Деревья помогают понять самого себя. Я забыла, что вы пришелец.

– Объясните.

– Не знаю, имею ли на это право. Это может причинить вам зло. Вы испытали сильнейший шок. И почти открыли для себя, кто вы есть на самом деле. Мне известно лишь самое элементарное. А вот мой третий отец знает почти все, что можно знать.

– Попробуйте, – в его голосе звучали умоляющие нотки.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Затем заговорила медленно и тягуче, выбирая самые простые слова.

– Любое человеческое существо скрывает в себе несколько личностей. Это, конечно, не личности в полном смысле этого слова, а скорее грани личности человека. Пока человек юн, они практически не подозревают о существовании друг друга. Позже они могут сосуществовать или сражаться друг с другом. Одна из граней состоит в прямом контакте с внешним миром. У остальных контактов меньше или нет совсем. Некоторые из них слепы и глухи, лишены воли и логики. Иногда они, как у вас, являются пленниками и пытаются ускользнуть из-под контроля. Они прилагают невероятные усилия, чтобы освободиться и возобладать над остальными. А тем приходится тратить много усилий на сдерживание бунтарей. Если схватка слишком жестока, личность может разорвать, как разрывает скалу замерзшая вода. И человек сойдет с ума.

– Понятно. Сознание и подсознание. Сознание подавляет некоторые элементы подсознания, которые стремятся подняться на поверхность обходными путями, оказывая давление на сознание. Когда давление постоянно, возникает невроз. Если подсознание взламывает хрупкую оболочку сознания, наступает безумие, сумасшествие, бред.

– Но есть и золотая середина, – продолжала Анема, – она помогает наладить взаимоотношения между людьми. Вы можете в полном объеме общаться с себе подобными, если совершенно здравы рассудком, если полностью сознаете самого себя. В этом-то нам и помогают деревья. Деревья помогают связать друг с другом различные грани личности. Мы оставляем детей ежедневно на некоторое время внутри деревьев, чтобы они познали самих себя. Мой третий отец говорит, что деревья в нашей цивилизации играют важнейшую роль. Он считает, что благодаря деревьям Игона стала привилегированным миром. Он говорит, что только мы по-настоящему счастливые люди во всей Галактике.

Она употребила не слово «Галактика», а использовала иной, более общий термин, означающий комплекс миров. В корне слова присутствовали понятия общности и города. Казалось, она считала каждый мир Галактики эквивалентным кварталу своего родного города. Полный смысл слова остался для Йоргенсена скрытым. Он перевел его как «Галактика», но решил, что позже вернется к этому.

– Я не знаю, как действуют деревья. Они посылают сны. Когда вы начинаете помнить их, значит, вы стали взрослым, уравновешенным человеком. Я очень хорошо помню свои сны. Мой третий отец утверждает, что я удивительно уравновешенна для моего возраста.

Она явно была довольна собой, но в голосе ее не было и следа тщеславия. «Тщеславие, – сказал себе Йоргенсен, – чувство невротическое, основанное на ощущении превосходства, а в конечном итоге и на отрицании остального мира. Федерация лопается от тщеславия. Федерация страдает глубочайшим неврозом».

«По отношению к Игоне», – мысленно поправил он себя.

Йоргенсен почувствовал себя отдохнувшим. Он знал, что может наконец спокойно заснуть.

– Деревья принадлежат всем. Мне кажется, что они передают друг другу сны разных людей, может быть, всех. Мой отец говорит, что среди деревьев нет индивидуалистов, как у нас. Но он также утверждает, что мы отличаемся один от другого лишь поверхностно. В остальном нас роднит нечто общее, свойственное человеку, и это общее зависит и от общества, в котором мы живем, и от каждого дерева. Но каждое общество стремится вложить в людей свое понимание общего, а потому различия между представителями разных обществ куда глубже, чем поверхностные различия между двумя людьми одного круга. Если мы доберемся до сути вещей, то вновь увидим общечеловеческие черты, несмотря на различия обществ. И быть может, когда-нибудь с помощью деревьев нам удастся объединить всех людей.

«Теперь она говорит, как социолог», – мелькнула мысль в голове сонного Йоргенсена. Голос уплывал вдаль. Анеме еще не исполнилось и двадцати лет, а она так просто оперировала понятиями, над которыми явно или тайно бились самые просвещенные умы Федерации, поскольку Арх косо смотрел на их исследования. Вначале Йоргенсену показалось, что она суеверна – допускает существование внутренних демонов, вызывающих болезнь или безумие, и верит в способность деревьев их изгонять.

Но, находясь на грани сна, Йоргенсен пытался нащупать истинный смысл ее слов, а быть может, и ответ на давний, мучительный вопрос о смысле собственного существования. Мысли обрели ясность и чистоту. Его сознание медленно погружалось в глубины тела. Ему хотелось там затаиться, несмотря на неясную боль, которая никак не уходила. Оставалось узнать, как действуют деревья. Быть может, они насыщали воздух дурманом? Или существовало иное, более фантастическое объяснение? А что, если между деревьями и людьми устанавливается телепатическая связь? Быть может, ему угрожала смертью общая память деревьев, в которой хранились сновидения всех людей, прошедших через них? Ему не верилось, что он стремился уничтожить самого себя. Мозг постепенно очистился от тревожных мыслей, и Йоргенсен погрузился в глубокий сон.

Когда он проснулся, у его изголовья сидели Анема со своим третьим отцом. Увидев этого человека, Йоргенсен спросил себя, действительно ли туземцы Игоны вели род от человека? В каждой отдельной его черте не было ничего необычного, но все вместе они

создавали странное ощущение. Громадная голова и широко расставленные глаза наводили на мысль о сосредоточенном внимании и каком-то снисходительном спокойствии. Даже поза его свидетельствовала о необычной гибкости тела и силе мышц. Он на удивление свободно владел своим телом. В его движениях сквозила грация хищника, лишенного страха и агрессивности. Рядом с ним Йоргенсен, несмотря на свои специальные тренировки, ощутил себя неуклюжим увальнем. А по глазам человека понял, что между ними лежит и интеллектуальная пропасть.

Одновременно он заметил в Анеме то, на что не обратил внимания в первый раз. Она была излишне гибкой и живой, но нервной не казалась. В ее глазах светилось такое же сверхчеловеческое спокойствие, как и в глазах ее отца. И тот же снисходительный огонек умерял их удивительный самоцветный блеск.

Быть может, это результат случайной мутации? А если это следствие направленного генетического опыта? Йоргенсен постепенно начинал понимать, что Игона представляет собой лишь клеточку на гигантской шахматной доске Вселенной, что обитатели города деревьев с их странными нравами являются пешками в руках могущественных и пока неизвестных сил.

Он и сам был пешкой в руках Федерации.

И тут он отвел взгляд от глаз мужчины. Нет, этот человек не мог быть пешкой. Еще никто в глазах Йоргенсена так полно не воплощал свободу, свободу без всякого страха перед будущим. Никто, кроме Анемы.

– Вы чувствуете себя лучше, – произнес мужчина. – Что вы собираетесь делать?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. У мужчины был спокойный, размеренный голос.

– Не знаю, – пробормотал Йоргенсен. – Я собирался некоторое время пожить в городе.

– Вы свободны. Можете оставаться здесь, сколько захотите. Но не думаю, что вам понравится здешняя жизнь. Впрочем, со временем вы все решите сами.

Йоргенсен хотел было возразить – жизнь далаамцев его вполне устраивала. Но он вовремя сдержался, поняв скрытый смысл слов собеседника. Тот не собирался ни запугивать его, ни намекать на плохой прием. Просто не очень приятно жить в городе, где ты менее младенца знаешь о мире и о самом себе. Это означало находиться во власти комплекса неполноценности. Йоргенсен понимающе поглядел на мужчину.

– Я – Даалкин, – промолвил последний. – Это одновременно и имя, и должность. Кажется, малышка вам уже кое-что объяснила. Не знаю, хорошо ли она поступила. Она приняла решение, самостоятельно, исходя из вашего положения. Можете задать мне любые вопросы, но полагаю, что вы лучше разберетесь в нашей жизни, посмотрев на нее со стороны. Я знаю, что вас мучит любопытство.

Он помолчал и с легкой иронией добавил:

– Здесь никто ничего не скрывает. Но не все можно понять сразу.

– Вы выглядите удивительно спокойным и счастливым, – неожиданно для себя сказал Йоргенсен.

Он провел ладонью по черепу и почувствовал, что волосы немного отросли. Он вдруг позавидовал густой черной шевелюре Даалкина. Обычай брить голову показался ему абсурдным.

– У нас есть свои проблемы, – ответил Даалкин. – Но это настоящие проблемы.

Йоргенсен прикусил губу и отбросил одеяло.

– Я могу встать?!

Это был и вопрос и утверждение.

– Если хотите.

Йоргенсен сел и осторожно опустил ноги на пол. Затем встал. Он чувствовал себя бодрее, чем ожидал. Обойдя комнату, он выглянул в узенькое окошко, увидел тропинку, которая исчезала среди громадных стволов, и только тут сообразил, что на нем ничего нет.

– Мне хотелось бы одеться, – начал он и понял, что его смущение в глазах Анемы и Даалкина выглядело смешным.

Анема достала из шкафчика тунику и обувь. Йоргенсен оделся с ее помощью. Даалкин тем временем поставил на стол несколько мисок. Йоргенсен подкрепился и утолил жажду.

– Вы позволите задать вам один вопрос? – после некоторого колебания начал он. – Надеюсь, он не покажется вам оскорбительным. Анема несколько раз называла вас третьим отцом. Меня интересует смысл этого выражения. Биологически...

Даалкин расхохотался. Анема тоже рассмеялась. Йоргенсен вежливо улыбнулся, ничего не понимая.

– Наше общество несколько необычно, – наконец заговорил Даалкин, – во всяком случае, по сравнению с вашим, о котором у меня сложилось некоторое впечатление. Естественно, я могу ошибаться. Но ваше общество несет на себе глубокий отпечаток древних времен. В нем переплелись черты индивидуализма и рабства – наследие ваших предков-охотников. Ваша цивилизация частично решила этот внутренний конфликт путем специализации. Но такое решение ошибочно и чревато опасностью взрыва.

Йоргенсен поднял глаза от стола. Даалкин говорил о Федерации без всякого почтения, хотя был всего-навсего туземцем с неприметной планеты, которую флот Федерации в мгновение ока мог превратить в горстку пепла. Он сравнивал Федерацию с громадным муравейником. Его слова были жестоки, но диагноз точен. Несколькими фразами он сумел выразить давние сомнения Йоргенсена.

– Каждый индивидуум ревностно относится к своей свободе, – продолжал Даалкин, – а единство может быть обеспечено лишь силами взаимного притяжения. Один индивидуум проявляет враждебное отношение к другому. Стену этой враждебности очень трудно преодолеть, потому-то и трудно установить контакт с другим индивидуумом. Все это отражается на взаимоотношениях.

Он склонился над Йоргенсеном, и тот прочел в глазах Даалкина сострадание.

– Вам кажется, что вся Вселенная завидует вашему могуществу. А мы вас жалеем. Вы – народ одиночек. Логическое следствие – ваша теоретическая моногамия, а на практике – полигамное общество. Я мог бы сказать, что мы придерживаемся противоположного взгляда на семейную жизнь, но боюсь, вы неправильно меня поймете.

Он немного помолчал, задумчиво глядя в одну точку. Его пальцы постукивали по столешнице. Йоргенсен впервые подметил некоторую нервозность собеседника. Анема, подперев подбородок ладонями, переводила взгляд с одного на другого.

– Эмоциональный мир человеческого существа, – продолжил Даалкин, – отличается невероятной сложностью. На всем протяжении жизни оно теснейшим образом связано с теми, кто его окружает. Оно может в полной мере проявить себя только благодаря окружению. Естественно, человек не способен наладить равные эмоциональные отношения со множеством людей. Но нескольких из них он может любить почти в равной степени. В этом случае он внутренне обогащается больше, чем если связан лишь с одним лицом. Одновременно он способствует обогащению тех, с кем общается.

Даалкин старался говорить так, чтобы не шокировать собеседника, и Йоргенсену казалось, что сам он превратился в малого ребенка, которого осторожно знакомят с тайнами жизни.

– Наши семьи – сложные и подвижные комплексы. Обычно они состоят из шести-семи человек. Существует разветвленная сеть связей между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Выражаясь вашим языком, я имею нескольких жен, но впрочем, и каждая женщина имеет нескольких мужей. Наши семьи не являются замкнутыми системами. Каждый свободен покинуть ее и войти в другую семью, если контакт с ее членами больше устраивает этого человека. Кроме того, благодаря переходам людей из одной семьи в другую между семьями существуют теснейшие эмоциональные узы. И в это же время каждая семья очень стабильна и куда прочней ваших семейных пар. Надеюсь, вам понятна моя мысль.

– Не совсем, – кивнул Йоргенсен. Он подумал, что сеть тропок, которую он видел с вершины обрыва, отражала это тонкое равновесие между «семьями», их многочисленные, стабильные и одновременно изменчивые связи. Общество далаамцев покоилось на

доброжелательности и любви. Древняя мечта человечества.

– А ревность? – спросил он, наконец подыскав в игонском языке подходящее слово.

– Ревность, ревность, – повторил Даалкин. – Не признак ли бессилия эта самая ревность? Деревья излечивают от нее.

Он встал и, подойдя к Анеме, жестом любящего отца взъерошил ее волосы.

– Дети воспитываются всеми «родителями». Их любят все. Со временем они сами выбирают себе тех, с кем им лучше и интереснее. И это не всегда их биологические родители. Я не первый, а третий отец Анемы, другими словами, я помог ей выйти из отрочества. Первый отец дал ей жизнь, второй – провел через детство. Вам понятно?

Йоргенсен утвердительно кивнул.

– Анема будет красивее матери. Я иногда сожалею, что не прихожусь ей биологическим отцом. Это – одна из величайших проблем нашего общества. Сколько времени мы бы выиграли, если бы в ребенке одновременно сочетались гены нескольких родителей, их наиболее благоприятные черты. Надеюсь, нам удастся решить и эту проблему.

«Это – идея биолога, генетика, ученого, стремящегося разумно управлять природой», – подумал Йоргенсен. И это в то время, когда ученые Федерации в своих тайных лабораториях замыслили преступления против жизни. Этот человек был иным. Он слишком любил жизнь. Во всех ее проявлениях. И искал средства сделать ее еще более яркой. Общество Далаама не было утопическим, оно не походило на какой-то застывший в своем совершенстве рай. Этот мир постоянно менялся и развивался. Он решал проблемы будущего, а не одну-единственную проблему вечного сохранения настоящего по образу и подобию прошлого.

Йоргенсену стало ясно, почему Федерация страшится Игоны. Он ощутил, как заныли старые шрамы. В словах Даалкина была доля правды. Йоргенсен принадлежал к миру одиночек, привыкших бороться против всей Вселенной, к миру безмолвных и печальных. Он не мог вынести прямого взгляда Анемы. Его лицо залила краска стыда.

Он даже не знал, о чем говорить с ней, а ведь у него за плечами культура тысяч миров и тысячелетий. «Неужели я так и останусь нем как рыба перед этой золотоволосой девушкой?»

– У вас есть еще вопросы? – спросил Даалкин, отрывая его от горьких мыслей.

– Нет. Пока нет. Мне надо подумать.

– Хорошо, – согласился Даалкин. – Мы встретимся позже. Деревья передают мне странную информацию.

Его толстые губы сложились в хитрую усмешку. Неуловимо гибким движением он скользнул к двери и исчез.

Четыре игонских дня Йоргенсен бродил по Далааму. Иногда один, иногда в сопровождении Анемы. Туземцы почти не обращали на него внимания, хотя были вежливы и гостеприимны. Они не задавали никаких вопросов. Но из отдельных бесед Йоргенсен понял, что они лучше разбираются в делах Федерации, чем он в делах Игоны. Однако нигде он не видел никаких следов аппаратуры, способной перехватывать сообщения Федерации. На Игоне отсутствовала всякая техника.

Жизнь туземцев выглядела мирной и бесхитростной. Деревья, похоже, давали им все необходимое. Далаамцы прогуливались, вели бесконечные дискуссии, размышляли, занимались разнообразными искусствами. Лишь однажды Йоргенсен почувствовал, что столкнулся с чем-то иным. Он заметил человека, сидящего на пороге хижины и выводившего на листе дерева какие-то математические символы. Они были незнакомы Йоргенсену. Он чувствовал их исключительную простоту, но в математике простота могла быть следствием абстракции, исключительно трудной для понимания.

Йоргенсен понял, что сделал важное открытие. Он пытался расспросить Анему, но математика ее не интересовала. Она сказала только, что человек этот стремился описать развитие Далаама, исходя из взаимодействия между семьями. Йоргенсен ничего не понял. Страстью Анемы была биология, вернее, генетика. По ее словам, она «с помощью деревьев»

проводила удивительные опыты. Но он никогда не видел в ее руках лабораторных инструментов. Наверное, существовали иные методы исследований, чем те, которыми кичились ученые Федерации.

Далаамцев в основном занимали науки о жизни. Они разбирались в физике, но это их не увлекало. И на то были причины – физика требует развитой технологии, а следовательно, узкой специализации, что противоречило структуре их общества. Если Федерация развивалась под давлением исторической необходимости, то Далаам, казалось, рос и развивался по воле его жителей. Их цивилизация была продуктом сознательного усилия, а не рабского труда человеческого муравейника.

Далаам не имел городских властей. Однако некоторые жители исполняли общественные функции, которые брали на себя добровольно и так же добровольно передавали другим. Отсутствие коллективной организации наложило отпечаток на планировку Далаама. Здесь имелись две или три площади, которые были заложены очень давно и происхождение которых было неясно даже самим далаамцам. Однако эти площади, украшенные фонтанами, похоже, играли какую-то важную роль. Далаамцы в определенные часы собирались на них и с какой-то особой сосредоточенностью пили воду, текущую из-под земли. У далаамцев существовал подлинный культ воды. В каждом жилище постоянно текла холодная и горячая вода, наполняя бассейны, где далаамцы купались в любой час дня и ночи. Йоргенсену так и не удалось понять, как она подается в дома и подогревается. Объяснения Анемы изобиловали совершенно непонятными терминами. Ему осталось предположить, что и здесь не обошлось без благожелательной помощи деревьев.

Он наткнулся на первую площадь случайно и испытал сильнейшее потрясение. Это была площадь его сновидений. Лицо человека на пьедестале явно было знакомо. Он знал этого человека. Он явно видел его изображения на Альтаире и других планетах Федерации. Но не мог вспомнить, при каких обстоятельствах.

– Кто это? – повернулся он к Анеме.

Она мечтательно посмотрела вдаль.

– Человек. Самый первый.

Смысл ее слов был не ясен. Они могли означать и что это первый на Далааме человек, и что это первая по значимости историческая личность. Подробностей ему узнать не удалось.

С каждым днем Йоргенсену становилось все очевиднее, сколь велика пропасть между ним и далаамцами – он не разделял их видения мира, меньше, чем они, знал о человеке вообще и об их обществе в частности. Однажды Анема сказала ему:

– Я нахожу вас увлекательным.

Вначале ее слова польстили ему, хотя и удивили – он не надеялся на такой успех, – затем расстроили.

Она смотрела на него серьезно, хотя, как всегда, в глазах ее плясали иронические огоньки.

– Добрую половину ваших слов я не понимаю, – продолжила она. – Я не знаю, о чем вы думаете. С далаамцами проще, даже если кто-то мне незнаком, его мысли и наклонности мне известны наперед. С вами иначе. Вы – иноземец. Это чудесно.

Йоргенсен разом сник: «Я для нее навсегда останусь иноземцем. Предметом любопытства. Только потому она и не расстается со мной».

Она почувствовала, что ее слова задели его:

– Мне надо спешить, чтобы понять ваш образ мышления. Вы скоро станете таким же, как мы. Деревья вам помогут. Вот увидите.

Йоргенсен резко ответил:

– Нет. Я скоро уйду.

– Это ваше право, но почему вы должны уйти?

Он покачал головой.

– Я должен вернуться туда, откуда прибыл. Меня ждут друзья. А здесь я навечно останусь инновременником.

– Это так неприятно?

Он отвел глаза.

– Вы по-прежнему ненавидите себя, – сказала она. – Деревья почти ничем вам не помогли. Вам не хочется уходить, а вы терзаете себя, думая об уходе. Разве вы не в состоянии видеть вещи такими, какие они есть?

Она подошла вплотную к нему, взяла его лицо в ладони и заставила глядеть прямо в глаза.

– Вы – ребенок. Почему я должна объяснять вам все? Между нами не может быть сейчас ничего. Быть может, позже, не знаю. Но разве вы не видите, что с вашими постоянными страхами, вашей ненавистью вы принадлежите к иному миру.

– Я для вас просто животное, – оборвал он ее. Эта мысль уже не раз приходила ему в голову.

– Вы неразумны. Но это не ваша вина. Ваше общество... деревья...

Он отступил на шаг и, легко оттолкнув ее, едва не бросился прочь. На глаза набежали слезы. Но мимолетная слабость прошла. Он снова обрел твердость. Он был надломлен, но все же нашел в себе силы для решительных слов:

– Я уйду.

– Как хотите.

Они больше ни разу не затрагивали этой темы. Ему еще случалось ходить рядом с ней, брать ее за руку, но она больше не возвращалась к тому разговору. И он чувствовал ее правоту и ненавидел себя.

Лицо на площади было еще одной загадкой, отделявшей его от Анемы. «Уж не Адам ли это или бог, или то и другое вместе?» – спрашивал он себя. Но это никак не вязалось с образом мышления далаамцев.

Тяжелые черты одутловатого лица отражали волю и ум – это не был абстрактный портрет. Забытый скульптор, который создал этот бюст во времена, когда здесь стоял город из камня, имел в виду конкретного человека.

Йоргенсен невольно приблизился к Анеме. Он был на голову выше ее, а потому наклонился и вдохнул ее запах. Ему хотелось уничтожить разделявшее их расстояние. Он был бессилен изменить судьбу. В мире Йоргенсена игральные кости были брошены в первое мгновение его существования. Ставка была сделана. Расстояние между ними не сокращалось, даже если он касался девушки. Даже если вдыхал запах ее кожи и волос, запах, который удивил его, – ведь женщины Федерации стремились уничтожить или подавить его. От Анемы исходил запах самой жизни.

На площадь выскочил мальчишка лет восьми, он катил перед собой шар, самый обычный деревянный шар.

Шар. Йоргенсен перевел взгляд с прыгающего по ступенькам шара на бюст у фонтана. Между ними существовала какая-то связь. Но какая? Если он найдет ее, то обретет свободу – он был уверен в этом.

Все остальное он получит в придачу. Он положил ладони на плечи Анемы.

Но разгадка не приходила.

– Пошли отсюда, – сказал он.

Йоргенсен часами беседовал, с Даалкином, Анемой и Даалной, матерью Анемы, с Буркином, Лоордином, Синевой, членами «семьи» Анемы. Они говорили о Федерации, об Игоне, о проблемах человека и его будущем. Йоргенсен часто отмалчивался, внутренне сожалея об этом – хозяева говорили с полной откровенностью. Он все еще не решался отвергнуть свою старую веру в Федерацию. Не мог отказаться от своего прошлого. И не осмеливался сказать им, зачем явился на Игону, туманно намекая на исследования.

Однажды, когда все разошлись, он остался в темной комнате вдвоем с Даалкином. Они не спеша потягивали пьянящий напиток, который хозяин налил в кубки из черного полированного дерева. Было истинным наслаждением поглаживать гладкое бархатистое

дерево и вглядываться в радужные отблески напитка.

– Итак, – начал Даалкин, перегнувшись через стол, – что вы думаете о Далааме? Считаете ли вы, что мы действительно представляем большую опасность для Федерации?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. Впервые с ним разговаривали так откровенно. До сих пор сдержанность далаамцев позволяла ему давать уклончивые ответы.

Он не стал отвечать прямо.

– Далаам – оазис счастья в Галактике, – осторожно начал он. – Ваше общество коренным образом отличается от общества Федерации.

– Я задал вам конкретный вопрос, – сказал Даалкин. – Вы можете ответить на него или нет? Когда вы пришли сюда, вас пожирали страх, ненависть, внутренний разлад. Вы были отравлены своим состоянием. Впрочем, вы и сегодня еще не совсем отошли от этого. Но по крайней мере вы можете сказать, что удостоверились в наших мирных намерениях?

– Не знаю, – ответил Йоргенсен. – Я почти не понимаю вас.

Он опустил щит. До сих пор его немногословие могло сойти за уверенность. А сейчас он предстал перед Даалкином в своем истинном обличье, обличье взрослого ребенка. Его даже не утешала мысль о том, что на Альтаире Даалкин чувствовал бы себя не лучше. Впрочем, уверенности в последнем у него не было.

– Во всяком случае, – добавил Даалкин, – ваши друзья, похоже, опасаются нас. Они некоторое время бродили по долине в окрестностях города, а теперь разбили лагерь у внешних ворот, на повороте дороги, ведущей к реке. Я не совсем понимаю, что они собираются предпринять, может, хотят совершить вылазку в город, чтобы «освободить» вас – ведь они уверены, что мы удерживаем вас насильно.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Это был ответ на вопрос, который он не осмеливался сформулировать с первого дня пребывания в Далааме. Он верил, что остальным шести членам командос удалось остаться незамеченными.

– Вы чего-нибудь опасаетесь? – спросил он. – Вы хотите, чтобы я отправился к ним, успокоил их и попросил прийти сюда?

– Они не пойдут за вами, – отрезал Даалкин. – У них сложилось о нас странное мнение. Не думаю, что при нынешнем положении дел они могут повредить нам, но они хладнокровно рассматривают возможность нашего уничтожения.

Он говорил спокойно, как обычно, будто речь шла вовсе не о судьбе его города.

– Думаю, к ним следует отнести как к безумцам, – добавил он после некоторого размышления.

Йоргенсен едва не выпалил, что в таком случае сумасшедшими надо считать почти все население Федерации.

– Вы показали им все ваше могущество, – сказал он. – И они, естественно, побаиваются вас.

Голос Даалкина стал резче.

– Ничего мы вам не показывали. Мы позволили вам предпринять все, что вы хотели, не собираясь вмешиваться. Однако мы знали, что ваша миссия состояла в уничтожении нашей цивилизации. Мы не собирались обороняться, во-первых, потому, что у нас нет средств, которые могли бы противостоять вашему оружию. По крайней мере тому, которым вы располагали по прибытии на Игону.

– Вы же привели его в негодность, – дрожащим от гнева голосом перебил Йоргенсен. – Я не хочу упрекать вас ни в чем, но вы сами напали на нас и, похоже, даже убили одного из нас. В лучшем случае подкинули нам труп, как две капли воды похожий на него; вы вывели из строя нашу аппаратуру и, наконец, уничтожили объект, который позволил бы нам покинуть ваш мир.

Даалкин искренне удивился.

– Ничего подобного мы не делали. Можете мне поверить. Уверяю вас.

– Тогда кто это сделал? – спросил Йоргенсен. – Есть ли на Игоне иная цивилизация, равная нам в своем могуществе?

– Сейчас нет, – ответил Даалкин. – Но была. И наверно, будет еще.

– Во времени?

– В прошлом и, быть может, в будущем. Вам известно, что нас мало интересует физика. Вы лучше нас знаете тонкую природу времени, хотя этот вопрос мы не обсуждали. – Он усмехнулся. – Все наши знания о времени добыты при изучении людей и нашего общества. В каждом человеке существуют прочные связи между прошлым и настоящим. На определенном уровне зрелости настоящее и даже образ будущего воздействуют на прошлое, пытаясь упорядочить его. А упорядоченное прошлое в свою очередь оберегает человека от повторения ошибок.

Он помолчал.

– Думаю, что такая связь характерна и для общества. Любое общество берет под больший или меньший контроль свое собственное развитие. Как видно, ваша Федерация достигла этой стадии, но пошла по пути насилия.

– Вы знаете, что мы путешествуем во времени? – от напряжения Йоргенсен даже уронил кубок, который покатился по полу, оставляя за собой мокрую дорожку. Жидкость тут же впиталась в дерево.

– Да, – ответил не колеблясь Даалкин. – Мы знали о прибытии инопланетян до вашего появления. И давно ожидаем, когда сложится критическая ситуация. Наши традиции содержат предсказания подобного события.

– Пророчество? – удивился Йоргенсен.

– Да, если вы называете пророчеством предсказания ваших астрономов. Не знаю, каким образом вы путешествуете во времени, но мне известно, что Федерация осуществляет систематический контроль над прошлым, чтобы обеспечить свое незыблемое будущее. Быть может, наша цивилизация поступала так в прошлом или будет поступать в будущем, и ваши противники, как и вы, не принадлежат к нашему настоящему. Во всяком случае, не думаю, что они обошлись бы с вами так же, как Федерация обошлась бы с ними в сходных обстоятельствах.

– У вас нет уверенности?

– Ни малейшей. Я даже вижу еще одну возможность. Но она придется вам не по вкусу.

– Говорите.

– Ну что ж, – задумчиво сказал Даалкин. – В настоящий момент во Вселенной существуют две державы – наша и ваша. Ваши противники могли явиться из прошлого или будущего одной из них. И ваши странные враги, быть может, не кто иные, как вы сами.

Йоргенсен в бешенстве вскочил на ноги.

– Это невозможно.

– Я сказал «может быть», – возразил Даалкин. – Но такая возможность кажется мне наиболее вероятной. Вспомните, как вы ненавидели себя, придя в город, и как едва не погибли в дереве!

– Это неправда! Я едва не задохнулся, я был отравлен!

– Как вам угодно. Возможность, указанная мной, может и не соответствовать действительности. Но ясно одно, у Федерации нет большего врага, чем она сама. Примиритесь с самим собой, и вы сможете жить в мире и здесь, и в любом другом месте Вселенной.

Даалкин встал и подошел к двери. Распахнув ее и словно сожалея, прежде чем исчезнуть, он бросил:

– Прощайте!

Йоргенсен не ответил. Он даже не заметил его ухода. Он сидел, упершись локтями в стол и спрятав лицо в ладони, и боролся с черной мглой, которая подымалась из глубин его существа, – его мучил невысказанный вопрос.

Он долго расхаживал по комнате, а затем бросился наружу. Стояла глубокая ночь. Он до мелочей четко припомнил, как явился сюда. Ему следовало узнать больше. Его разговор с Даалкином привел к появлению новых проблем и не разрешил старых.

Он двинулся по тропинке, петлявшей в траве. Стволы и свод листвы неярко светились. Казалось, вокруг сомкнулся светящийся горизонт, близкий и далекий одновременно.

Он добежал до низенького дома Даалкина и тихо постучал. Ему ответили. Он вошел и увидел Даалкина с Синевой. Исходивший от пола бледный свет подчеркивал удивительную красоту женщины, ее длинные черные волосы оттеняли мраморную белизну кожи. Даалкин и Синева работали над каким-то художественным произведением – повсюду валялись наброски и эскизы, символы чередовались на них с четкими линиями. Далаамцы, по-видимому, не делали большого различия между искусством и наукой.

– Я сожалею о том, что сейчас произошло, – сказал Йоргенсен.

– Это не имеет значения, – отозвался Даалкин. В его глазах плясали насмешливые огоньки.

– Я хотел бы задать еще один вопрос. Всего один.

– Слушаю вас. – Даалкин присел на край стола, откинув назад голову.

– Я хочу знать, откуда вы явились, как ваша цивилизация обосновалась на Игоне? Я не могу поверить, что она развилась самостоятельно. Новый город не так уж древен. Предыдущий – не жил в симбиозе с деревьями. И в те времена на Игоне возделывали землю, процветала торговля, а может, и промышленность. Как вы пришли к нынешнему состоянию? Какова ваша история?

Даалкин повернулся к жене.

– Наш гость явно вырос, – сказал он, – и даже поумнел. И начинает схватывать, что людей можно по-настоящему понять, лишь справившись об их происхождении. Это вселяет надежды.

Синева рассмеялась, и ее смех разрядил обстановку. В ее внезапном веселье не было ни насмешки, ни презрения. Йоргенсен спросил себя, сколько ей лет. Временами она выглядела не старше Анемы, хотя принадлежала к поколению ее родителей.

– Отвечу вам откровенно, – Даалкин стал серьезным. – Если бы вы набрались смелости задавать интересующие вас вопросы раньше, мы сразу на них бы и ответили. Но вы были убеждены, что мы постараемся обмануть вас. Именно так поступает Федерация.

– Вы правы, – беззлобно подтвердил Йоргенсен.

– Должен вас разочаровать. Мы почти ничего не знаем о своем происхождении. Это одна из наших величайших проблем. У нас нет летописи исторических событий. Нет ни единого документа. Словно кто-то все стер. От прошлого сохранились лишь некоторые традиции.

– Что за традиции? – спросил Йоргенсен.

– Комплекс наших коллективных знаний, – ответил Даалкин. – В основном они восходят к периоду, который предшествовал появлению города. В них изложены почти все физические сведения о Вселенной, о других мирах Галактики, о Федерации, о времени и многом другом. Мы не располагаем возможностями расширять свои знания в этой области. Мы не в силах определить свое место в мире и избежать кризисов. Но религиозное озарение здесь не при чем. Нет и двусмысленных текстов, которые можно толковать по-разному. Мы располагаем научным изложением фактов. Эти факты требуют научного анализа, а не слепой веры, хотя существует и несколько аксиом, оспаривать которые не приходится, к примеру существование Федерации, – закончил он с улыбкой.

– Понятно. Ваши предшественники как бы подвели итог своим исследованиям, а затем занялись чем-то другим или избрали иной образ жизни. Традиции служат для поддержания равновесия в вашем обществе, которое ориентировано только на науки о жизни.

– Совершенно верно, – согласился Даалкин. Он вдруг стал озабоченным.

– Но тут возникает опасность, – холодно начал Йоргенсен. Он словно врос ногами в пол и скрестил руки на груди. Он вдруг заметил трещину в совершенном здании далаамского общества. – Эти традиции – застывший раз и навсегда комплекс знаний. А действительность меняется. Вы не можете бесконечно передавать из поколения в поколение абстрактные знания. Уже сегодня то, что вы называете традициями, вряд ли полностью отражает

действительность. Вы явно обрекаете себя на застой, по крайней мере в некоторых областях.

Даалкин нахмурился.

– Вы были бы правы, – сказал он после недолгой паузы, – если бы традиции оставались неизменными. Но это не так. Они меняются. В Далааме этого почти никто не знает, кроме, может быть, меня и Синевы. Вот эти-то изменения нам совершенно не понятны. Новые знания вытесняют старые.

– Но это же невозможно! Ведь вы не занимаетесь исследованиями. У вас нет необходимой аппаратуры. Вы не покидаете своего мира. У вас нет контактов с другими мирами.

– Я твержу себе то же самое, – признался Даалкин. – Но у меня есть подтверждение того факта, что традиции меняются. Едва заметно. Видите ли, у нас своеобразная система обучения детей, с одной стороны, их по книгам учат взрослые, с другой – деревья с помощью гипнопедии. Я убежден, что от поколения к поколению традиции меняются. Наше общество остается стабильным. Мы не прилагаем никаких усилий для приобретения знаний в целом ряде областей науки, получая их в готовом виде. Наше общество не такая уж замкнутая система, как вам кажется. Оно общается с внешним миром, но мы не знаем как. Это беспокоит меня. Быть в постоянной зависимости от неведомого источника опасно для любого общества.

– Значит, ваш источник столь же неведом, как и наш противник, – резюмировал Йоргенсен.

– Я думал об этом. Подобная ситуация не приносит мне успокоения.

– Итак, теперь вы сказали мне все?

– Я перечислил ряд возможных вариантов. Действительность сложнее. Она может содержать на первый взгляд противоречивые элементы.

– У вас, наверно, существует теория по поводу этой неведомой державы? – спросил Йоргенсен. – Теория, учитывающая все факты.

– У меня их несколько. Но ни одна из них не выглядит достаточно убедительной.

– Я вас слушаю.

«Положение радикально изменилось», – с тайной радостью подумал он. Оказывается, далаамцы не знали ни своего происхождения, ни тех, кто управляет их судьбами.

– Первая возможная теория наилучшим образом соответствует образу нашего мышления, – сказал Даалкин. – Она предполагает наличие некоего коллективного подсознательного целого, появившегося в результате развития нашего общества под воздействием деревьев, которое позволяет познавать действительность без участия сознания. Подобные функции свойственны каждому человеческому существу. Быть может, нам случайно удалось сделать их коллективными. В таких условиях Далаам может рассматриваться как единое живое существо, клетками которого мы являемся не только в социальном, но и в органическом плане. Я не могу себе представить всех возможностей такой сверхжизни, но думаю, ей нечего бояться даже могущественной Федерации.

Вторая возможная теория нравится мне куда меньше. Она зиждется на предположении, что мы зависим от некой цивилизации, державы, которая передает нам без нашего ведома информацию, необходимую для умственной деятельности, и защищает нас, позволяя нам продолжать исследования. Эта теория не менее фантастична, чем первая.

– Цивилизация, создавшая Далаам, стершая все следы его прошлого, давшая Далааму все необходимое для существования оригинального общества, в том числе и деревья, выбравшая для вас образ жизни, определившая программу исследований и к тому же совершенно неизвестная Федерации?!

– Именно так. Поэтому мне больше по душе первая гипотеза. Но я не могу окончательно отбросить вторую. Кстати, одна не исключает другую.

Йоргенсен закрыл лицо ладонями. Он не продвинулся ни на шаг и по-прежнему блуждал во мраке.

– Я ухожу, – внезапно сказал он. – Я должен вернуться к друзьям, пока они не

натворили беды. Я хочу защитить этот город.

– От кого? – спросил Даалкин. – От Федерации?

Впервые в его голосе Йоргенсен уловил жесткие нотки.

– Отпусти его, Даалкин, – сказала Синева. – Он вернется. В день, когда он примирится с самим собой, он вернется. Он нашел здесь то, что не рассчитывал найти. Ты возвратишься сюда, Йоргенсен, и деревья помогут тебе отыскать путь к Анеме.

– Прощайте.

Он не знал, что будет делать, когда встретится с остальными. Решение они будут принимать сообща.

5

Сначала он увидел Марио, его силуэт вырисовывался на фоне светлого неба. Он не прятался от постороннего глаза, но внимательно наблюдал за окрестностями. Йоргенсен еще не успел выйти из-под прикрытия высокой травы, как Марио уже обернулся в его сторону. Йоргенсен помахал рукой, чтобы его сразу узнали.

– Привет, – сказал Марио.

И тут же в нескольких шагах от него возникла массивная фигура Эрина.

Йоргенсен ожидал более бурной встречи. Ведь он отсутствовал четыреста часов, то есть шестнадцать суток универсального времени.

– Остальные спят? – тихо спросил он.

– Да. Их разбудить?

Йоргенсен нерешительно отмахнулся.

– Не стоит. Пока не стоит. Расскажите, что здесь произошло.

Он подметил полный любопытства взгляд Марио. «Ему придется подождать». Йоргенсену совсем не хотелось рассказывать о городе светящихся деревьев.

– Мы некоторое время бродили вблизи Далаама, – сказал Марио. – Наткнулись на источник. Но так и не решились последовать за вами. Мы сделали кое-какое открытие, но об этом позже. Хочу предупредить, настроение у людей резко изменилось. Каждый замкнулся в себе, нас не покидает чувство тревоги. Пора найти выход из тупика.

– Я не нашел его. Как чувствует себя Кносос?

– Он выздоровел. Вряд ли он таит на вас злобу, но, откровенно говоря, не уверен. Каждый хранит все в себе. Только Эрина, похоже, это совсем не задело. Правда, он никогда не был особенно разговорчивым.

– Они не доверяют друг другу?

– Не совсем так. Они сами себя изводят сомнениями.

В голосе Марио звучало удовлетворение.

– Вы сказали, что кое-что обнаружили? – вспомнил он первые слова Марио.

– Сейчас покажу.

Он подошел к спящим, поднял с земли пояс и, вернувшись, протянул его Йоргенсену.

– Зачем он мне?

– Посмотрите на датчики.

Йоргенсен взгляделся в крохотные циферблаты. На одном стрелка застыла в необычном положении. Он постучал по корпусу. Стрелка качнулась и вернулась в прежнее положение.

– Датчик вышел из строя, – сказал Йоргенсен.

– Да, он едва работает, – подтвердил Марио. – Но все же положение стрелки кое о чем говорит.

Йоргенсен вздрогнул.

– Это невозможно. Откуда здесь взяться темпоральному маяку?

– Мы тоже так думали. Однако провели поиски. И нашли. Дверь в Абсолютное Вневременье существует. В шести-семи километрах отсюда. В моренной расщелине.

– Надеюсь, вы не проверили, куда она ведет? – у Йоргенсена перехватило дыхание.

– Не решились. Хотелось прежде встретиться с вами.

«Итак, между Игоной и внешним миром существует связь, и связь постоянная».

Вот что-то и проясняется. Йоргенсен застегнул пояс и уселся на землю. В небе Игоны сверкали звезды. Светящийся туман скрывал город.

– Мы должны переступить порог двери, Марио, – сказал он. – Надо рискнуть и узнать, куда она ведет. У нас нет другой возможности покинуть этот мир. А теперь послушайте о том, что я видел в Далааме.

Рассказ длился несколько часов. Наконец, Йоргенсен замолчал. Некоторое время он сидел, вслушиваясь в ночные шорохи, затем вытянулся на траве и почти мгновенно заснул.

– Далаам следует уничтожить, – резко сказал Ливиус.

– Неужели? – удивился Йоргенсен. – Каким образом?

– Не знаю. Надо найти подходящее средство. Вы сказали, что у них нет оружия и что на нас напали не они.

– Хотелось бы быть уверенным в этом.

В разговор вмешался Марио.

– Даже если бы у нас были средства, нет уверенности, что нам позволят это сделать. Прежде следует узнать, кто защищает Далаам и кто поставил нас на грань провала.

– Совершенно верно, – подхватил Йоргенсен. – Существует девять шансов из десяти, что ответ находится по ту сторону этой двери.

Все молча посмотрели на черный прямоугольник – темное пятно на рыжей земле. Нагромождение скал скрывало расщелину от чужих глаз. День уже занялся. Небо было синим. Дул сильный ветер.

– Не сказал бы, что горю желанием попытаться счастья за этой дверью, – обронил Шан д'Арг. – Она слишком смахивает на западню. У нас нет ни оружия, ни защитных полей. Мы можем вынырнуть лицом к лицу с врагом или очутиться в смертельно опасном для нас мире с непригодной атмосферой, температурой, сумасшедшей радиацией.

– И все же следует рискнуть, – настаивал Йоргенсен. – У нас нет другой возможности покинуть Игону. Надо найти тех, кто дергает за веревочки.

– Говорите яснее, я хочу знать, – настаивал Ливиус, – к чему вы стремитесь? Что пытаетесь отыскать?

Йоргенсен пожал плечами, не отрывая взгляда от черного прямоугольника. Вокруг никакой аппаратуры. Или генератор находится по ту сторону?

– Не знаю, – признался он. – Я даже не стремлюсь вернуться на Альтаир. Я хочу понять этот мир и узнать, кто создал Далаам.

– У меня есть иные соображения по поводу ваших намерений, Йоргенсен, – прервал его Ливиус. – Я много размышлял над вашими словами. Вы опасаетесь, что, оставшись на Игоне, мы причиним городу зло! Вот вы и хотите, чтобы мы как можно скорее убрались из этого мира. Вы предали Федерацию и больше не желаете защищать ее! Вы забыли и о благородной роли темпоральных командос, и о коррекции истории. Вы возвращаетесь из этого города и говорите нам об этих дикарях так, словно они гении или полубоги.

– Не знаю, – тихо ответил Йоргенсен. – Раньше я верил в Федерацию, верил в правоту командос. Теперь думаю, что ошибался. Я сомневался всегда. Теперь обрел уверенность. У Федерации нет права делать то, что она делает. Думаю, мы превратились в преступников.

– Вас обвели вокруг пальца, – не унимался Ливиус. – Уж я-то побывал в разных уголках Вселенной и знаю лишь один закон – закон силы. Федерация, наверно, впервые за свою историю встретила могущественного врага, а вы хотите остаться чистеньким и решать лишь свою личную проблему.

– Замолчи, Ливиус, – процедил сквозь зубы Шан д'Арг. – Я доверяю Йоргенсену. Он достойнее тебя. И переступлю порог вместе с ним.

– Я думал, Ливиус, что ты ненавидишь Федерацию, – проговорил Марио. – А теперь ты вступился за нее.

Ливиус злобно ощерился.

– Когда я в Федерации, я ненавижу ее. Это мое право. Поглядите на самих себя. Вы тоже ее ненавидите, но отказываетесь признать это. Вы ненавидите ее, потому что специалисты не считают вас равными себе. Почему Кносос любит море, Эрин – горы, Нанский – космос, Шан д'Арг – оружие, а Марио – музыку и женщин? Почему Йоргенсен мучает себя вопросами? Он хранит это в тайне, но их можно прочесть на его лице. Да потому, что Федерация отвергла вас всех. Со мной Федерация вообще обходилась как с крысой, пока я не нашел в себе силы вырвать у нее все, что хотел. Да, когда я нахожусь в Федерации, то мечтаю о ее гибели. Но в космосе или в ином времени я превращаюсь в человека Федерации. Она сделала меня таким. Она дала мне могущество. В ее стенах я – голодный волк. Вне ее – цепной пес.

«Даалкин прав. Ненависть и недоверие. Невроз», – подумал Йоргенсен.

– Оставайтесь здесь, Ливиус, – устало промолвил он. – Оставайтесь. Нет нужды переступать порог этой двери всем. Только прошу ничего не предпринимать против города, пока я не возвращусь.

«На этот раз командос распалась. Это – начало падения Федерации. Крохотная трещина в крохотной детали. Пройдет немало времени, пока заест весь механизм, – он остановится, а потом обратится в прах. Все начнется на Игоне, незаметной планетке. Нет, все началось на Алтаире. Все началось накануне нашего старта. Кто мы были? Что мы делали? О чем думали? Два с половиной века назад ответ на вопрос был найден, поскольку мы отправились в свое прошлое».

– Я пойду с вами, – сказал Марио.

Йоргенсен вспомнил о желании Марио сопровождать его в Далаам. Он улыбнулся.

– Хорошо. Кто еще?

– Я, – одновременно отозвались Эрин и Шан д'Арг.

– Да будет так. Оставайтесь. Ливиуса назначаю координатором. Ждите нас в окрестностях Далаама. Если понадобится пища, обратитесь к далаамцам. Желаю успеха.

Ливиус невозмутимо улыбался.

Нанский и Кносос отвели глаза в сторону.

– В городе есть один человек по имени Даалкин, – добавил Йоргенсен. – Если мы не вернемся, сообщите ему, что я сделал попытку исследовать прошлое Игоны. Он поймет.

Ливиус не ответил.

Четыре человека шагнули на черный прямоугольник и растаяли во тьме.

Горячий воздух был насыщен пряными запахами. Дверь пропустила их в джунгли – буйный зеленый мир, сплетение лиан, бархатистые стволы, причудливая листва. Было влажно. На толстенных стеблях покачивались гигантские цветы. Люди инстинктивно жались друг к другу.

Но на поляне, где они оказались, всю растительность словно срезали бритвой. Землю по краю черного прямоугольника покрывал ковер из мха. И опять никакой аппаратуры.

«Второй этап», – подумал Йоргенсен, поднимая голову. Сквозь плотную завесу облаков с трудом пробивался свет громадного, скорее всего, голубого солнца.

– Мы, конечно, не на Игоне, – сказал Йоргенсен. – Мы переместились и во времени, и в пространстве. Осталось узнать, где мы и в каком году.

Задача была практически неразрешимой. Даже увидев звездное небо, они могли не узнать созвездий. Ну а о дате вообще не приходилось говорить. Привязка во времени справедлива лишь по отношению к конкретному миру. Мы видим звезды такими, какими они были в прошлом. Настоящее любого мира не что иное, как острие иглы, чей тупой конец уходит в прошлое тем глубже, чем дальше наш взгляд проникает в космос.

«Второй этап, – повторил про себя Йоргенсен, – и нас занесло еще дальше во времени и пространстве от Алтаира и Федерации, но мы обрели часть себя, остались наедине с собой и должны принимать решение сами. А второй ли это этап? Быть может, ложная смерть Марио

была первым этапом, исчезновение оружия – вторым, а посещение Далаама – третьим? А может, были и другие этапы, которых мы не заметили?».

Их явно загоняли в лабиринт. Йоргенсен был уверен в этом. И поэтому без страха переступил порог двери. Ему хотелось пройти этот лабиринт из конца в конец, даже если на это понадобится добрая половина жизни. Ведь выход из лабиринта означал решение всех проблем.

Все, не сговариваясь, посмотрели на датчики. Они работали не лучше, чем на Игоне. Нейтрализующее поле действовало и в этом мире.

Однако кое-что индикаторы показывали и здесь – направление на темпоральный маяк. Расстояние до него было от двадцати до семисот километров. Разброс был достаточно велик.

– Во всех случаях, – сказал Марио, – надо двигаться к маяку.

«Они вновь обретают веру в себя», – подумал Йоргенсен. Это было главным. Важнее, чем наличие оружия. Они решили идти до конца, найти разгадку и снова стали единым целым, хотя их было меньше. Правда, изменились цели. Этого, по-видимому, и добивались их таинственные противники.

– Это будет нелегко, – сказал Эрин, окидывая взглядом джунгли. Вдали слышался звериный рык.

Они приблизились к зеленой стене. Вблизи джунгли не казались столь непроходимыми. Можно было протиснуться между деревьями, продраться сквозь заросли.

– Топорики бы, – вздохнул Йоргенсен.

Обычно они расчищали себе путь в джунглях лучевым оружием. Даже пропитанные влагой стволы и те мгновенно превращались в прах. Энергетические щиты предохраняли их от любого нападения. Но сейчас они были с джунглями один на один.

Йоргенсен возглавил цепочку. Ходьба отнимала все силы. Они то и дело возвращались назад, искали новый проход, натыкались на непроходимые заросли колючего кустарника, обходили его, ползли, карабкались, опасаясь громадных и, возможно, ядовитых насекомых.

Часа через два ходьбы джунгли изменились. Почва стала суше. Деревья перестали тесниться и казались выше. Громадные переплетающиеся корни выступали из земли. Люди шли почти в полной темноте, то и дело поглядывая на циферблат, чтобы не сбиться с нужного направления.

Жара была угнетающей. Однажды пришлось сделать крюк с добрый километр, чтобы обойти настоящую реку из насекомых, петлявшую среди деревьев. Были ли это насекомые? Времени на выяснение не было.

– Жизнь, – сказал Йоргенсен. – Жизнь в первозданном виде. Постоянная жестокая конкуренция. Самые большие деревья впитывают свет и тепло солнца. Гниль пожирает деревья. Насекомые питаются и гнилью и древесиной.

– Любой саперный корабль Федерации расчистит этот мир за несколько суток, – заметил Шан д'Арг, – и превратит его в цветущий сад. Это и есть цивилизация.

– Наша цивилизация, – вступил в разговор Марио, утирая со лба крупные капли пота. – А как поступили бы далаамцы?

– Не думаю, что они могут представить себе подобные джунгли, – ответил Йоргенсен. – Их опыт – опыт управляемого по человеческим меркам мира.

– Может быть, – неохотно согласился Марио.

Путь преградила косая трещина. Им показалось, что это дорога, но как только Йоргенсен ступил на гладкую зеленую поверхность, он тут же по плечи провалился в жижу. Его вытащили из воды.

– Нам повезло, что мы наткнулись на эту речонку, – насквозь промокший Йоргенсен провел ладонью по лицу, оставляя на нем следы ила.

Все с удивлением посмотрели на него.

– Дальше можно двигаться вплавь или по дну, – пояснил он. – Не придется делать обходов.

– В воде могут водиться ядовитые твари, – заметил Марио.

Йоргенсен пожал плечами.

– Одной опасностью больше, одной меньше. У нас нет иного выбора, – и он первым прыгнул в илистую воду. После секундного колебания остальные последовали его примеру. Они жались как можно ближе к берегу. Вода доходила до пояса, идти было трудно, но они двигались вперед.

– Будем идти до наступления ночи, – сказал Йоргенсен.

Ночь оказалась довольно светлой – взошли две огромные оранжевые луны, окрасившие воду в желтоватый цвет. Иногда из зарослей доносился треск веток, видно, сквозь джунгли ломались крупные животные. Вода в реке становилась все чище. Илистое дно сменилось песком. Идти стало легче, хотя мешало несильное встречное течение. Иногда они останавливались, чтобы перевести дух.

– В нормальных условиях, – мечтательно протянул Шан д'Арг во время одной из таких остановок, – мы летели бы над этими джунглями на высоте двухсот метров, не подвергаясь опасности и не затрачивая никаких сил.

Йоргенсен усмехнулся.

– Тем не менее мы обходимся без машин. Мы оказались выносливей, чем предполагали.

– Сколько мы прошли?

– Километров десять-двенадцать.

– А мне кажется, что мы сделали не менее пятидесяти.

– Здесь труднее, чем в горах, – сказал Эрин.

Йоргенсен ощущал невероятную усталость, но в то же время и духовное спокойствие, и ясность мысли. Вскоре до их ушей донесся глухой рокот. Пройдя еще несколько сотен метров, они поняли, что впереди грохочет водопад.

– Конец пути, – вздохнул Марио.

Река разлилась в округлое озерцо, ограниченное с одной стороны обрывом, с которого низвергался поток воды, а с другой – зеленой стеной джунглей. У подножья скалы, почти над самым водопадом, мерцал огонь. Это не был костер. Свет горел ровно и холодно, как электрическая лампа.

Они переплыли реку и по крупной гальке с трудом выбрались на берег. Обе луны спокойно светили в безоблачном небе.

Образовав полукруг, путники осторожно, в полном молчании двинулись к огню. Они подошли вплотную, когда одновременно увидели и маяк, и хижину.

Темпоральный маяк был древней модели – они никогда не видели таких. Но ошибки быть не могло. Маяк никто не пытался замаскировать, его просто занесло песком. Только на вершине горел вечный свет. Нигде никаких дат. Ручки управления оказались заблокированными. Надписи на пульте состояли из совершенно непонятных им символов.

Они повернулись к хижине из металла. Она стояла здесь, по-видимому, с незапамятных времен. Дверь ее была приоткрыта. Они вошли в единственную пустую комнату, утонув по колено в пыли. В неверном свете своих фонарей они увидели на столе металлическую медаль на стальной цепочке – такие же медали с указанием имени, планеты и даты рождения хронавта носили они сами. Металл, из которого делались медали, был практически неразрушаем.

Йоргенсен повернул медаль. Едва светящиеся в темноте буквы складывались в имя АРЧИМБОЛЬДО УРЦАЙТ. Невероятное, мифическое имя. Имя ученого, который в отдаленном прошлом Федерации сделал реальностью путешествия во времени.

Рядом с медалью лежала книга в бронзовом переплете. Йоргенсен взял ее в руки и открыл. Листы задрожали, на мгновение словно зависли в воздухе, а потом рассыпались и осели на стол кучкой серой пыли. На внутренней стороне бронзовой обложки ножом неровными буквами было нацарапано имя Арчимбольдо Урцайта.

Записи ученого исчезли навсегда.

Петля замкнулась. Путешествия во времени привели их к организатору этих путешествий.

– Невероятно, – пробормотал Марио. – Урцайт побывал здесь задолго до нас.

– Да, – протянул Йоргенсен. Постепенно все становилось на места. Урцайт побывал на Игоне. Поставил там опыт. Скорее всего, он-то и создал Далаам, новый Далаам. Затем расставил в континууме некоторое количество темпоральных дверей, позволявших путешествовать во времени и пространстве и издали наблюдать за течением эксперимента. «Но почему же спустя двести пятьдесят лет – или не двести пятьдесят?» – спросил себя Йоргенсен. Он не мог сказать, в каком веке они находились, ведь в архивах Федерации не сохранилось никаких упоминаний об опыте Урцайта.

Почему личность Урцайта окружена тайной? Почему о нем почти ничего не известно? В конце концов, пять веков не такая уж непроницаемая завеса времени. О жизни куда более древних лиц были известны мельчайшие подробности. А об авторе монументальных научных трудов ходили лишь рассказы, больше похожие на вымысел. Быть может, этого хотел сам Урцайт? Быть может, он сам смешал карты? А может, о целом разделе учения Урцайта сознательно умалчивали по приказу Арха? Быть может, Урцайт разгадал опасность столь могущественного оружия, как путешествия во времени, оказавшееся в руках Федерации? Или его ликвидировали по распоряжению Арха? А командос послали на Игону, чтобы уничтожить последние следы Урцайта?

И здесь Федерация просчиталась. Если Урцайт был на самом деле основателем нового Далаама, он снабдил город мощной защитой, чтобы оградить его от любого врага. А далаамцы не подозревали о защите. Или лгали... или...

Йоргенсен хотел дойти в своих рассуждениях до конца.

А может, сам Урцайт или кое-кто из его учеников защищали Далаам. От Федерации. От завоевателей-иновремен.

Йоргенсен провел рукой по лбу. Его била дрожь. Если его предположение было верным, Федерация боролась против себя самой. Настоящее Федерации отторгло ее прошлое. В определенный момент ее истории появились две возможности, и, хотя вероятности их развития были неравными и в них были задействованы неравные силы, менее вероятная возможность начала брать верх над более вероятной.

Планета джунглей не была последним прибежищем Урцайта. Об этом свидетельствовал маяк. Он позволял перейти в следующий мир. В любой. Быть может, на Альтаир. За этим миром мог быть третий, и четвертый, и так далее до бесконечности. Гений Урцайта был всеобъемлющим. «Но никто в Федерации, – подумал Йоргенсен, – не подозревает об этом».

Четверка переглянулась. Слова были лишними, Они решительно направились к засыпанному песком маяку. Он сверкал, словно глаз циклопа. Он излучал путеводный свет не только в пространство, но и во время. Это был вызов окружающей действительности. Весомое доказательство существования обратной стороны вещей, как бы изнанки ткани, в которой переплелись нити космоса, настоящего, прошлого и будущего.

«Вся четверка, – сказал себе Йоргенсен, – готова схватиться за рукоятку маяка, чтобы открыть подлинное лицо действительности. Не понять – действительность слишком сложна. Не увидеть во всей полноте – действительность слишком необъятна. Лишь приоткрыть завесу над одной из ее возможностей».

Он опустил рукоятку. Темная вспышка подхватила и унесла их из мира джунглей.

Безоблачное небо. Безмерные песчаные просторы пустыни. Они сразу узнали громадное голубое солнце. Низко над горизонтом, словно два огромных шара, плыли оранжевые луны.

– Та же планета, – прошептал Шан д'Арг. – Невозможно. Мы переместились во времени, а не в пространстве.

– Который год? – спросил Марио, не рассчитывая на ответ.

– Как знать, – ответил Йоргенсен. – Если бы наши инструменты работали, можно было бы исследовать солнце и состав почвы. А сейчас даже трудно сказать, до джунглей мы или после.

Они были так возбуждены, что не сразу сообразили, в какое отчаянное положение попали. Пустыня уходила к горизонту. Маяк за ними не последовал. Они не могли вернуться ни в джунгли, ни в Далаам.

– На этот раз, – сказал Марио, – мы, похоже, достигли конца пути.

Бездействовал и датчик – ни дверей во Вневременье, ни темпорального маяка. Стрелки застыли на нуле.

– А может, и нет, – с возбуждением, удивившим его самого, вскричал Эрин. – Глядите. Узнаете?

Они повернули головы и увидели вдали едва различимую овальную скалу, полумесяцем выраставшую из песка.

– Рельеф не изменился, – добавил Эрин. – Там был водопад.

– Или будет, – поправил его Йоргенсен.

И то и другое было равновероятно. Сколько времени надо, чтобы джунгли уступили место этой бесплодной пустыне, или пустыня покрылась кишющими жизнью джунглями?

Десять миллионов лет? Миллион? Тысячу? Без вмешательства человека джунгли и пустыню могли разделять целые геологические эпохи. Здесь же причинная ткань, структура действительности была трансформирована. Кем? Урцайтом?

Наверно, у подножья скалы по-прежнему стояла хижина. А маяк совсем утонул в песках. Несбыточная надежда. Но несбыточным было и совершенное кем-то ответвление потока времени в этом безымянном мире. Все имело смысл – Далаам, джунгли, пустыня. «Некто» заманил их в этот лабиринт не без умысла. Последовательность событий имела глубокое значение, как фраза, составленная из слов.

Но, к сожалению, у них не было ключа к шифру. В безднах времени им встретился сфинкс. Если они отгадают загадку, они останутся в живых и новое понимание происходящих событий распахнет перед ними врата нового мира. Если они потерпят неудачу...

Игона, джунгли, пустыня.

Три стадии. На Игоне царило сотрудничество леса и города. Законом джунглей была жестокая конкуренция. И только пустыня была мертвой – она либо предшествовала жизни, либо следовала за ней. Смерть была несовместима с жизнью.

Йоргенсен облилиз пересохшие губы. Он чувствовал жалость к своим товарищам по оружию. Это было новое чувство. Он вдруг открыл в себе привязанность к Марио, Эрину, Шан д'Аргу, и она была глубоким человеческим чувством, совершенно не свойственным их сообществу карателей. Он открыл, что каждый существует сам по себе, а не как объект его собственного мира. Он открыл, что у них есть своя собственная история – прошлое, будущее и настоящее. Он открыл, что никогда этого не замечал, хотя ему казалось, знает их давно. Он открыл, что, осознав их индивидуальность, стал лучше понимать каждого.

– Сожалею, что увлек вас сюда за собой, – сказал он. – Боюсь, мы попали в безвыходную ситуацию.

Марио слабо улыбнулся.

– Мы пошли за тобой, потому что так решили. И все. Ты ни в чем не виноват. Однако лучше поскорее добраться до скалы.

Йоргенсен хотел было сказать «спасибо», но вздохнул и произнес только: «Будь по-вашему». Затем двинулся вперед – его сапоги вязли в песке и вздымали облака пыли. Остальные последовали за ним, и четверо измотанных людей, песчинки среди необъятной пустыни, потянулись к скале вдоль невысоких дюн, причудливых творений ветра.

– Хочу пить, – сказал Эрин. – Помню, как однажды взбирался на Циррее на лавовые горы. Тысячи лет назад там бушевали огненные потоки, но когда я добрался до вершины плато, вскарабкавшись на гладкий отвесный обрыв, то увидел в центре крохотное озерцо

чистой воды, которая изливалась с противоположного склона тремя прекрасными каскадами в пламенных брызгах пены. Ночью звезды блистали в воде, как второе небо. Вода была ледяной. Она обжигала глотку, как раскаленное железо, а прозрачностью соперничала с космосом. Хотелось бы снова полюбоваться на эту воду.

Песок стал совсем тонким, и их ноги оставляли в нем глубокие борозды. Они шли и беседовали – такое случилось впервые. Они говорили о Федерации и о ее мирах, о своих тайных желаниях и никому не ведомых поражениях, Йоргенсен говорил об Игоне и мечтал о встрече с Анемой. Эрин о головокружительных высотах. Шан д'Арг – о страхе смерти. Марио – об ужасе, который ему внушало время. Смертельно усталые люди разом ощутили пользу откровенности и необходимость слов.

Внезапно начались миражи.

То вблизи, то вдали в пустыне возникли джунгли. Пахло водой. Появилось зеленое пятно. Послышался звериный рык. Тонкая спираль лианы обвила ствол дерева.

Йоргенсен протер глаза. Мир наполнился блестками. «Начинается бред», – без всякого отчаяния решил он. Позади вдруг ставшей прозрачной дюны он различил силуэт Ливиуса. Прямо перед ним в почву впились и исчезли корни далаамского гиганта. Под его ногами распахнулась и захлопнулась бездна.

Йоргенсен в недоумении остановился. Его друзья выглядели прозрачными. До него долетали их удивленные, искаженные голоса. Обрывки ночи застилали солнце.

«Галлюцинации», – решил он, но, бросив взгляд на бешеную пляску стрелок детекторов, сжался в комок от страха. Крик Шан д'Арга подтвердил страшную догадку.

– Темпоральная буря!

Изнасилованное, деформированное время мстило за дурное обращение с ним. Силы, которые удерживали в равновесии параллельные возможности, не выдержали безудержного натиска действительности. Темпоральная буря. Коммандос боялись этого катаклизма как чумы. Иногда такое случалось в некоторых районах пространства, где энергетические разряды достигали такой мощности, что нарушали структуру континуума. Но чаще всего темпоральные бури были результатом неудачного вмешательства. Происходил локальный обвал времени. Обломки прошлого корежили будущее. Настоящее рушилось. Человек, попавший в темпоральный ливень, мог увидеть, как морщится кожа на его вдруг ставшей старческой руке, как его тело становится зародышем в утробе матери, и в последней вспышке сознания он понимал – время мстило за все. Подобная катастрофа уничтожила семь планет в созвездии Лебедя. Одна из звезд стала сверхновой. Погибло двадцать миллиардов людей. Оставшиеся в живых так и не оправились от сумасшествия – они видели нечто более страшное, чем собственную смерть, они видели гибель Вселенной.

Джунгли. Пустыня. Эта безымянная планета голубого солнца стала ареной противоречивых вмешательств. И мир распадался на куски. Правда, Йоргенсену казалось, что хроноклизм не был случайным – он был завершающей точкой непонятной фразы, составленной из слов «Далаам», «джунгли», «пустыня». После бесплодия – гибель. Наглядное предсказание судьбы Федерации. Манипулируя временем, она подкладывала мину под фундамент Вселенной. Защищая свое настоящее, она подточила свое будущее. И когда пробьет час расплаты, взорвется Галактика и десятки миллионов звезд разлетятся в разные стороны в вихре сменяющих друг друга десятков миллиардов возможностей...

Голоса друзей, вернее, их удивленные восклицания доносились до него бессмысленными всплесками звуков. Он еще изредка замечал остальных как беглые отражения в осколках зеркала на фоне однообразной пустыни. Он вдруг увидел, как из ниоткуда вынырнули Ливиус, Нанский и Кносос. Невероятная случайность или умелое вмешательство? Что втянуло их в темпоральную бурю и забросило в этот мир? Вся семерка, сблизившаяся и разобщенная одновременно, в полном безмолвии вступила в бой с разгулом времени.

Йоргенсен, как бы отрешившись от своего естества, перенесся вперед и увидел семь силуэтов, сгибающихся под напором порывов времени. Все они – Марио и Шан д'Арг,

Кносос и Эрин, Ливиус и Нанский, и он сам – шли вперед, спотыкаясь и борясь с собственным головокружением и сошедшим с ума космосом. Он видел всю семерку такой, какой она была десять лет назад. Он вдруг узнал, что останется жив и встретится с Анемой, а через секунду капля времени стерла из его памяти это воспоминание из будущего.

Позади первых семи силуэтов он различал семь иных, бледных и почти прозрачных теней, – они преследовали семерку, угрожали ей, готовились к расправе. Он различал черты лиц этой семерки преследователей и узнавал в них своих друзей – в лабиринте времени разворачивалась безжалостная охота на самих себя.

Он хотел предупредить их. Но из горла вырвались лишь бессвязные звуки. Обе командос неслись к горизонту. Он закрыл глаза и бросился вперед, упал, вскочил на ноги, снова упал, не чувствуя опоры и не зная, разверзся космос или нет. Волны времени доносили до него мысли других.

Частица времени пронизала его мозг. И забытые воспоминания всплыли на поверхность сознания. Он вспомнил свое сновидение. На круглой площади его преследовал человек, и у этого человека было лицо Йоргенсена. А громадная толпа далаамцев с ужасом наблюдала за его гибелью. Он пытался добраться до убежища в центре площади и коснуться каменной статуи с загадочным лицом, единственной недвижимой точки в этом бешеном вихре, но знал, что никогда не доберется до спасительной гавани.

Он вспомнил слова Анемы. «Если вспомнишь сон, то наступит выздоровление. Ты перестанешь ненавидеть самого себя». Йоргенсен радостно вскрикнул, ибо вспомнил свое сновидение. Он вышел победителем из жестокой схватки и обрел потерянное я. Лицо его противника внезапно изменилось. Его второе я шло ему навстречу со спокойной улыбкой на лице и протягивало ему дружески руку.

Йоргенсен узнал сновидения других. В это мгновение каждый из них испытывал то, что испытал он внутри дерева в Далааме. Каждый решал свою проблему сам. А он, беспомощный зритель, присутствовал на смертельной схватке каждого из шестерых с собственным «я».

Ливиус в своем сновидении – а может, это была действительность, принесенная бурными волнами времени, – оказался на родной планете. Он бежал по узким улочкам мрачного города. Растрескавшиеся стены вздымались до самого неба, окна миллионами глаз следили за ним, словно он был в тюрьме. Он хватался за бесполезное оружие, стрелял наугад, и позади рушились стены. Он убегал, не зная почему. Он бежал прочь, скатывался по кривым лестницам, нырял в крытые проходы под монолитами зданий.

Булыжная мостовая была жирной и скользкой. На ближайшем перекрестке он бросился в боковую улочку, она была такой узкой, что можно было коснуться домов, даже не разводя рук в стороны. Вдали послышался топот ног его преследователя. Где-то наверху, над головой Ливиуса, в мрачной стене виднелось похожее на иллюминатор оконце, упиравшееся в противоположную стену, как в искусственную скалу... Он поднял голову и сразу узнал ее. Именно там, в мрачной пещере наверху, он родился и провел первые годы своей жизни. Из оконца выглянуло лицо, он узнал себя, и из его легких вырвался вопль ярости и ужаса. Шаги преследователя раздавались поблизости, тень его росла, он узнал собственный силуэт и походку. Мертвую тишину разрывали только шаги охотника и металлический лязг. Все жители города забились в свои норы, спрятались от охотника – Ливиуса-волка, и Ливиус остался наедине со своим двойником.

Он отступил в проулок, поскользнулся и потерял равновесие. Он хотел вырваться за пределы города, на открытое пространство. Узенькая зеленая полоска неба высоко над головой словно издевалась над ним. Он обернулся и ринулся прочь. Нескончаемая улочка заканчивалась вонючим сплетением проходов. И вдруг с громадным облегчением он увидел, что оказался на зеленом лугу, и узнал парк, где верховодил в опасных детских играх, который находится совсем в другой части города. Он бросился к рощице, где надеялся спрятаться, как это часто бывало в детстве, когда ему приходилось удираť от банды

соперников. Ему надо было пересечь круглую эспланаду, в центре которой был фонтан.

Шаровидный звездолет прочертил небо, и он недоуменно поднял глаза кверху, затем его взгляд упал на фонтан, где высилась статуя с загадочной улыбкой на лице.

Преследователь с его чертами, в его комбинезоне, с оружием в руках вышел из кустов. Ливиус выстрелил в него, но тот – высокая фигура на худых ногах – неумолимо шел навстречу, медленно поднимая оружие...

Кносос в своем сновидении исследовал коралловые пещеры в морской бездне. Его грызла глухая тоска. Над ним юрким угрем промелькнула чья-то тень, он быстро развернулся и через стекло маски различил в зеленоватой мгле, которую рассекал луч фонаря, тень человека.

Он узнал в нем своего двойника...

Эрин шел по крутому отвесному склону, боясь оглянуться, но не из страха увидеть под собой пропасть, а из опасения различить позади себя упрямого преследователя.

– Поднимайся, – раздался его собственный голос.

Он с усилием подтянулся на усталых руках. Окровавленные пальцы судорожно цеплялись за камень. Ногти пытались зацепиться за малейшую неровность.

Когда он вскарабкался на край обрыва и поднял голову, то увидел над собой массивный силуэт. Это был он сам. Сапог двойника расплющил ему пальцы. Эрин с воплем разжал руки и полетел вниз – он успел увидеть, что падает к тому, кто преследовал его, чтобы убить, к тому, у которого было его собственное лицо...

Марио преследовал женщину в городе-парке на Энгеране-3. Где-то вдали играл оркестр, и до него доносилась древняя, печальная музыка. По лбу Марио стекал пот. Он знал, что должен нагнать женщину и задать ей один вопрос, но не знал какой. Он не знал ее имени. Близилась ночь.

На женщине был плащ, который развевался на ветру. Цвет плаща постоянно менялся, капюшон скрывал волосы женщины.

Следовало догнать ее до того, как она выбежит на площадь, где шел концерт, на громадную круглую площадь, на которой толпились люди. Громадный стеклянный шар висел над оркестром и отражал звуки в сторону публики.

Он бросился через кустарник наперерез женщине и на миг потерял ее из виду, а когда увидел снова, ему показалось, что она замедлила бег и стала выше. Он бежал за ней, удивляясь, что она растет на глазах. Вдруг она остановилась и повернулась к нему.

Он в страхе замер. Плащ скрывал лицо и тело. Марио уже догадался, что это не женщина. Плащ медленно скользнул на землю... Марио не сразу понял, кто перед ним. Он знал одно. Его ждет смерть. От руки двойника. Мертвый двойник с Игоны вернулся, чтобы отомстить...

За кораблем Нанского, затерянным в беззвездном пространстве, гнался неведомый звездолет. В страхе Нанский позвал на помощь Нелле. Но та не ответила. Он был на борту один. Чужой корабль рос на экране с чудовищной быстротой. В нем распахнулся люк, и в космос шагнул человек без скафандра. Он шел в пустоте, постепенно заполняя экран. На секунду Нанскому показалось, что он смотрит в зеркало. Затем человек выпрыгнул из экрана и поднял оружие...

Шан д'Арг ждал своего противника на арене Танатоса. Он знал, что бой будет безжалостным. Публика бесновалась. Искусственные стервятники, вооруженные телекамерами, бесшумно кружили в небе на крыльях из черного металла, не спуская с него своего единственного недвижимого глаза.

Крохотное солнце, огненный шарик, плавало над ареной, заливая ярким светом песок.

Шан д'Арг сжимал в левой руке лук, за поясом его торчали три стрелы, правая рука держала дубинку. Он неотрывно смотрел на далекую дверь, темную арку, откуда должен был появиться соперник.

Впервые в жизни он дрожал накануне схватки. В глубине арены возник тонкий силуэт его противника. Вопли усилились.

Шан д'Арг ждал... В руке противника был лучевой пистолет. Шан д'Арг выхватил из-за пояса стрелу, положил ее на тетиву и прицелился. Бесшумный стервятник спикировал прямо на него и отвел стрелу в сторону.

Убийца подошел ближе, и Шан д'Арг узнал его. Во всей Галактике не было второго человека с такой желтой кожей, такими плоскими скулами, такими раскосыми глазами под черными стрелками бровей...

Йоргенсен со стороны наблюдал, как каждый встретился со своим двойником и принял смерть от его руки. Это было неотъемлемой частью лабиринта. Йоргенсен знал, что каждый видит сновидения остальных. И каждый должен решить свою проблему до того, как умрет. Он уже прошел через это, и они могли воспользоваться плодами его успешного опыта. Решение было простым, если знать ответ заранее. Принять себя таким, каков ты есть. Изгнать из своей души раздвоенность. Путь к цели лежал через логику и переплавку личности. А неотвратимость смерти способствовала радикальной трансформации духа и разума.

Это было логично. Это был выход из лабиринта. Их загнали сюда ради метаморфозы. Далаам, джунгли и пустыня были ступенями испытаний.

Но кто подверг их этим испытаниям? Вопрос оставался без ответа. Лабиринт еще скрывал неисследованные закоулки.

Все стихло. Земля под ногами Йоргенсена снова обрела твердость. Темпоральная буря продолжала свирепствовать, но он оказался в зоне затишья. В центре циклона. В глубине воронки.

Он открыл глаза и увидел, что буря помогла ему приблизиться к скале. Остальные отстали и пока еще не вырвались из лап мучивших их кошмаров.

Скала нависла над его головой, загораживая небо. Он заметил хижину, засыпанную песком. Дверь была приоткрыта. Он скользнул внутрь. Когда его глаза привыкли к сумраку, он увидел, что песку намело почти до столешницы, на которой лежала книга. Он протянул руку, чтобы взять ее, и заметил белый предмет, выступавший из песка с противоположной стороны стола.

Человеческий череп. А под ним стальная цепочка с медалью. Он знал, что на ней выбито имя Арчимбольдо Урцайта.

Значит, Урцайт закончил свои дни здесь. Других ходов в лабиринте не было. Он закончился тупиком. Много веков назад Урцайт создал этот лабиринт, чтобы защитить Далаам и преобразить его возможных врагов. Но его усилия оказались тщетными.

Они никогда не получают ответа на вопрос «Почему?». Они прошли испытания без пользы для дела.

Йоргенсена охватило отчаяние.

Он открыл книгу и, по-видимому, включил скрытый механизм, поскольку мир вокруг него взорвался красками. Его снова выбросило в Абсолютное Вневременье, его отправили в новое путешествие во времени.

6

Год? Не известен.

Место? Не известно. Планета под голубым солнцем. Райский уголок. Громадные деревья с кронами, укрывающими от зноя, обширные луга. Невысокие холмы. Неторопливые

водные потоки. Тучная земля. Зелень трав. Прозрачная, светлая, невесомая вода, похожая на жидкий бриллиант.

Йоргенсен протер глаза. Из-за кустов бесшумно вышел громадный рыжий зверь, глянул на него и величественно удалился. На все лады свистели птицы. Река сверкала серебряными всплесками – в волнах резвились рыбы.

Он прибыл на ту же планету, но куда делись джунгли и пустыня? Он был уверен, что попал в тот же мир, в еще одну возможность этого мира. Он затаил дыхание, чтобы не пропустить ни звука. До его ушей доносились лишь шорохи леса. Он крикнул. Никто не ответил. Где остальные? Остались в пустыне или темпоральная буря забросила их в иные секторы времени?

Он узнал местность. Река кончалась водопадом. Та самая река, что вывела их из джунглей. Хижина, а может, и маяк, по-прежнему, стояли у подножья скалы.

Йоргенсен быстро двинулся вперед. В голове прояснилось. Он чувствовал необычайный прилив сил и бодрости. Теперь он знал смысл лабиринта. Это было испытание и лечение одновременно. Испытание позволило разделаться с предрассудками Федерации. Лечение принесло духовное выздоровление.

Однако через некоторое время он ощутил пустоту – ему не хватало Анемы, друзей. Он был один. А рай хотелось разделить с другими. Но новое одиночество не имело ничего общего с тем, которое угнетало его раньше. Это не было одиночество от недоверия, свойственное людям Федерации. Это было временное физическое одиночество, поскольку он знал, что может использовать все резервы своего существа, чтобы отыскать других и слиться с ними в единой духовной общности.

Он сорвал с ветки золотистый плод.

На повороте тропинки у реки появился улыбающийся человек. Он был толст и стар, почти лыс. Он смотрел на идущего к нему Йоргенсена. Его глаза светились умом. Большие пальцы пухлых рук были засунуты за пояс. На нем была выцветшая хламида некогда оранжевого цвета. Человек сунул правую руку в карман, достал трубку и неторопливо раскурил ее. Потом дружелюбно помахал рукой.

– Привет! Хорошая погода.

Покрытое пылью и потом лицо Йоргенсена и его изодранный комбинезон, казалось, не удивили его.

– Привет, – ответил Йоргенсен.

Облик человека поразил его больше, чем радушный прием. Он ни разу не видел стариков. Даже тучных людей не было в Федерации. Ее биологи давно научились поддерживать человека в пике его физической формы почти вечно.

Старик изъяснялся по-далаамски. Но в нем не было их безмятежности.

– Здесь есть город? – спросил Йоргенсен.

– Не думаю. Более того, в настоящий момент на этой планете нас всего двое.

Подойдя ближе, Йоргенсен заметил, что старик почти на голову ниже его. Он невозмутимо посасывал трубку. Струйкой поднимался сизый дымок.

– Кстати, – сказал старик, – думаю, вы давно разыскиваете меня. Меня зовут Арчимбольдо Урцайт.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Его ноги налились свинцом. Урцайт улыбался, не выпуская трубки изо рта и снова запустив большие пальцы за пояс.

– Рад, что вы успешно выпутались из этой передраги, – добавил он. – Я нуждаюсь в вашем сотрудничестве. Но, естественно, у вас остается свобода выбора.

– Простите? О чем идет речь? – нервно спросил Йоргенсен.

– О будущем Федерации, Далаама и, конечно, о вашем будущем.

Голос Урцайта был спокойным и добродушным.

Йоргенсен вдруг снова оказался лицом к лицу с жестокой действительностью.

– Вы не умерли? – голос у Йоргенсена звучал хрипло. – Это был не ваш череп?

И тут же закусил губу.

Улыбка Урцайта стала еще шире. Он прищурился. Наверное, страдал близорукостью – только историки еще помнили об этой болезни.

– Это зависит от года, – усмехнулся Урцайт. – В той эпохе, из которой вы явились, я действительно мертв. А сейчас нет. Надеюсь, вы сами видите это. В хижине среди пустыни был мой... мой череп. Но пустыня появится лишь через пять или шесть тысяч лет...

Он небрежно махнул рукой.

– И не считайте меня призраком. По теории, я старше вас только потому, что умер до вашего рождения и два этих события расположены на одной причинной кривой. Официальная теория Федерации. Должен признаться, я немало потрудился, чтобы мое учение восторжествовало. Но с момента исчезновения я много работал. Умственный труд весьма полезен для поддержания хорошей формы. У меня впереди еще двадцать лет жизни.

«Он знает, когда умрет, – думал Йоргенсен. – Он проведет свое будущее, сколь это ни невероятно. Он бросил вызов времени и победил его. И его не страшит, что он знает день и час своей смерти. И далаамцы не боятся смерти. Они принимают ее как должное».

На мгновение эта мысль показалась ему чудовищной, но он тут же ощутил, что давний ужас смерти оставил его. Страх умереть и страх жить – две стороны одной медали. Тот, кто не принимает мысли о неизбежности смерти, не может жить полной жизнью.

– А другие? – сдавленным голосом спросил он, не в силах отвести взгляда от синей струйки дыма, поднимавшейся из трубки. Она тоже напоминала о прежних временах. Йоргенсен никак не мог привыкнуть к мысли, что перед ним стоит мифическая фигура Арчимбольдо Урцайта. Он представлял его себе величественным гигантом со строгими чертами лица, с тяжелыми крепкими руками, с глубоким, хорошо поставленным голосом – нечто вроде супер-Даалкина. А перед ним стоял толстый, улыбающийся, почти комичного вида человек.

– Ваши соратники? Не беспокойтесь. Мы к ним вернемся позже. Я хочу задать вам несколько вопросов и кое-что объяснить. Вам следует принять решение.

– Слушаю вас, – едва слышно выговорил Йоргенсен.

– Расслабьтесь. Вы устали. Вы прошли суровые испытания и оставили позади себя все. Все, чем вы были. Вы родились заново. Вы – бабочка, вышедшая из кокона. У вас еще не обсохли крылышки, и вы не в состоянии их расправить. Дайте им окрепнуть на солнышке.

– Я попытаюсь.

– Садитесь прямо в траву. Съешьте этот плод. Нет ничего прекрасней даров земли.

Йоргенсен повиновался, как ребенок.

– Прекрасно, – сказал Урцайт. – У нас много времени. Что означают лишние пять минут в сравнении с пятью тысячелетиями? Мы, вы и я, жонглируем временем. И не стоит придавать этому слишком много значения. Именно поэтому я курю трубку. Этот обычай давно утерян, и, думаю, его утрата прозвучала для Федерации похоронным звоном. Курильщики трубки обычно люди миролюбивые и склонные к размышлениям. Нужно время, чтобы правильно набить трубку. Вот эта сделана из настоящего верескового корня.

Он глубоко вздохнул.

– Все растения, которые вы видите здесь, выведены путем направленной мутации из местных видов. Вы не представляете себе, чего можно достичь в генетике, когда являешься хозяином времени.

– Игона – это ваша работа? – тихим голосом спросил Йоргенсен. Он прикрыл глаза и увидел громадные деревья, щитом раскинувшие свои ветви над городом и разгоняющие ночной мрак. Те гигантские деревья были памятью Далаама.

– Я всегда любил деревья, – признался Урцайт. – Они крепко держатся корнями за землю. Они идут на приступ неба. Они растут во все стороны, как в прошлое, так и в будущее. Вы знаете, что годовые кольца суть кристаллы времени. Сезоны сменяют друг друга, и дерево помнит о них. Я горжусь своими игонскими деревьями. Думаю, во всей Вселенной нет ничего равного им.

– Наверное, вы правы, – согласился Йоргенсен под натиском новых впечатлений.

– Этот сад тоже уникален, – продолжал Урцайт. – Его уникальность – своеобразная проблема. Загадка, очень важная загадка. Превращусь на время в сфинкса и посмотрю, разгадаете ли вы ее. Вам известны три состояния этой планеты – джунгли, пустыня, сад. Но вы не смогли датировать их. Каков, по-вашему, их хронологический порядок?

Йоргенсен нерешительно пожал плечами.

– Не знаю. Дайте подумать. Вы сами поставили пустыню после сада. И сказали, что это будет через пять-шесть тысяч лет. Этот сад – ваше творение. Значит, джунгли существовали раньше. Джунгли, сад, пустыня. Таков хронологический порядок. Но не понимаю, что он означает.

– Не понимаете? – воскликнул Урцайт.

Его зубы разжались, и он подхватил трубку на лету. Затем наклонился вперед и ткнул мундштуком в грудь Йоргенсена.

– Не понимаете? Три аспекта действительности одного мира вытекают один из другого, а вы не видите связи с вашей миссией. Значит, то, что вы пережили, не пошло вам на пользу. Я мог бы вам подсказать ответ, но тогда изменится ваше будущее. А оно принадлежит только вам. Никто не имеет права влиять на ток времени разумного существа, особенно если это ведет к ограничению его способности выбора.

Йоргенсен задумался. Аналогия ускользала от него. Джунгли, сад, пустыня. Джунгли, сад, пустыня. Между джунглями и садом – ряд темпоральных коррекций. Похоже на работу командос. А что было между садом и пустыней.

Ничего. Логическим следствием темпоральных коррекций была пустыня.

Все детали стали на место. Вселенная до Федерации. Затем путешествия во времени, преобразование прошлого, вмешательство командос. Федерация была эквивалентом сада. Это бросалось в глаза. А затем пустыня, упадок, гибель всей цивилизации.

И ему, Йоргенсену, предстояло сделать выбор. Уничтожить Федерацию, выполнив приказ Альтаира. Или уничтожить Федерацию, не выполнив этого приказа.

Он огляделся по сторонам. Райский сад. Но сколь же он хрупок. Незаметная трещина в стройном здании обрекала его на неизбежную гибель. Разве красота сада и расцвет Федерации не стоили того, чтобы их сохранить ради них самих, даже при крайней эфемерности существования и того, и другого.

«Нет, не стоят», – твердо сказал голос его совести. «Нет», – эхом отозвались голоса Ливиуса, Марио, Шан д'Арга, Нанского, Эрина, Кнососа. «Нет», – прошелестели анонимные голоса далаамцев.

Существуют куда более весомые вещи, чем красота и расцвет цивилизации. Есть жизнь, появление новых видов. Есть будущее человека и всех грядущих цивилизаций.

Йоргенсен глубоко вздохнул.

– Я понял, – наконец произнес он.

Он отбросил в сторону косточку золотистого плода и вдруг ощутил себя больным и разочарованным.

Чего не хватает этому саду? Чего не хватает Федерации?

Конкуренции. На райской планете уничтожены все вредные виды животных и растений. Все возможные опасности убраны из будущего Федерации.

Он оказал об этом Урцайту.

– Я поставил один опыт, – сказал старик. – Когда я овладел временем, меня ужаснули следствия моих открытий. Я провел множество опытов. Этот сад появился в результате одного из них. Вы спрашиваете, чего ему не хватает. Нет, не конкуренции, не борьбы за существование.

Он помолчал.

– Разнообразие. Сотрудничества. Естественного равновесия во времени. Федерация идет навстречу своей гибели, поскольку убирает со своего пути разнообразие форм. Я мог бы поддерживать сад в подобном состоянии десять или двадцать тысяч лет, а может, и целый миллион. Но мне придется все чаще совершать коррекции, все глубже и глубже

деформировать время. А это кончится катастрофой.

– Именно так поступает Федерация, – сказал Йоргенсен. – Я понял. Темпоральные командос все чаще отправляются со своими миссиями в прошлое. Но у Федерации нет никаких шансов. Она обречена.

– Совершенно верно, – согласился Урцайт, выпуская голубые клубы дыма. – Я предвидел это. И сказал им. Они решили расправиться со мной, поскольку видели в господстве над временем великолепный инструмент власти. У них ложное, извращенное понятие о времени и человеке. Они мыслят линейно. А время вещь сложная, это – ткань, живая ткань. Ее легко порвать. Я не хотел рисковать и поэтому создал Далаам. Игона – противоядие от Федерации.

Йоргенсен встал на ноги и потянулся.

– Что я должен делать? – спросил он.

Ответ Урцайта был незамедлительным. И впервые в нем зазвучали резкие нотки.

– Решайте сами. Вы взрослый человек или нет?

Они шли вдоль реки по направлению к водопаду, к той хижине, откуда Арчимбольдо Урцайт следил за ходом своих опытов, к темпоральному маяку, который позволял контролировать прошлое и будущее.

– Несколько недель назад, – говорил Урцайт Марио, – вы не были способны принять решение с полным знанием дела. Вы были человеком Федерации, хотя бунтовали против нее. Каждый человек – пленник времени современного ему общества. Вас следовало вырвать из привычного круга. Следовало освободить, вернуть самому себе.

– Да, – подтвердил Марио. – Нас заразило безумие Федерации.

– Вам следовало вступить в контакт с действительностью. Вы должны были научиться распоряжаться собой.

– Все ясно, – усмехнулся Марио. – Вы поставили нас в столь неудобное положение, что нам пришлось размышлять и изменяться.

Улыбка Урцайта стала шире.

– Я ничего не сделал. Я уже говорил, что никто не имеет права вмешиваться в чужую жизнь, используя господство над временем. И это не только вопрос морали. Это также вопрос стабильности. Вспомните сад и пустыню.

– Тогда кто?

– Подумайте. Никто не имеет права менять будущее или прошлое другого существа. Но свое собственное...

Марио долго молчал.

– Это означает, что мы...

И замолчал, пораженный необходимым решением.

– Совершенно верно, – закончил Урцайт.

Они приблизились к водопаду. Берега реки и хижина утопали в цветах. В открытом очаге пылал огонь.

– Это означает, что мы вернулись в свое прошлое, вернее, сделаем это, приведем в негодность собственное снаряжение и атакуем самих себя, – сказал Шан д'Арг. Он уже давно свыкся с этой мыслью. – Но, поскольку все предрешено, у нас уже нет выбора. Это произойдет. И все начнется сначала. У нас нет возможности выбирать.

– Есть, – возразил Урцайт. – Время отнюдь не линейная последовательность событий, иначе путешествия во времени были бы невозможны. Время состоит из громадного, а может и бесконечного, количества возможностей, имеющих разную степень вероятности. В каждое мгновение может произойти некоторое количество событий. Одни из них более, другие менее вероятны. В обычных условиях действительностью становится самая вероятная возможность, другие продолжают сосуществовать в скрытой форме. В момент путешествия во времени порядок возможностей может оказаться перепутанным. И реализуется другая

возможность, заняв место более вероятной возможности. Надеюсь, вам понятно?

– Пытаюсь следить за ходом ваших рассуждений, – ответил Шан д'Арг.

– То же самое происходит и при перемещении в пространстве. Небесные тела движутся по наиболее вероятным траекториям. Воды рек, камни гор подчиняются тому же правилу. Человек стал выбирать для них невероятные траектории относительно недавно, заставляя реки течь вспять, перестраивая горы, передвигая планеты.

В настоящий момент мы на пороге невероятной возможности, если можно так выразиться. Она не отвечает действительности, и мы существуем в полном смысле этого слова. Разъясню смысл выражения. В настоящий момент есть семь возможностей, и семь Арчимбольдо Урцайтов объясняют каждому из семи членов командос то небольшое, что следует знать о структуре Вселенной.

– А принципы? – осведомился Шан д'Арг.

– Они ложны, – ответил Урцайт. – А если говорить точнее, они отчасти ложны. Мне это известно лучше, чем кому-либо другому. Именно я развил их, исходя из работ Горовица. Но в те времена я рассматривал случай, скажем, ограниченной темпоральности. Более общее понимание пришло позже.

– Почему эта общая теория не преподается в Федерации?

Урцайт расхохотался. Его щеки тряслись, как пустые бурдюки.

– Я же говорил, что Федерация поражена паранойей. Первейшая забота Арха вырвать с корнем это знание. Когда я допустил оплошность, опубликовав свою работу, меня внесли в список опасных лиц.

«Вот почему жизнь Арчимбольдо Урцайта окутана тайной, – подумал Шан д'Арг. – Арх не осмелился предать забвению его имя. Он предпочел сотворить безопасный мир».

– Естественно, – продолжал Урцайт, – я сделал вывод и исчез. Я отдавал себе отчет в том, что вложил в руки Федерации оружие невероятной мощи, но она не могла распорядиться им разумно. Это не ее вина. Просто люди Федерации недостаточно ясно представляли себе последствия господства над временем. Драма заключалась в том, что они располагали мощнейшим средством воспрепятствовать любым изменениям. И дал его им я.

Лицо Урцайта помрачнело.

– Впрочем, мои действия не столь уж предосудительны. Не соверши это открытие я, его чуть позже сделал бы кто-нибудь другой. Но я не имел права сидеть сложа руки. Для господства над временем следовало иметь иную цивилизацию, а она могла родиться только из контроля над временем. Порочный круг. Разорвать его можно, лишь путешествуя во времени. Будущее могло помочь прошлому. И я задумал контрнаступление.

Шан д'Арг мысленно улыбнулся. Энергия этого слегка гротескного человечка выглядела нелепой. Но ее не следовало недооценивать. Урцайт был решительным и отважным человеком, истинным бойцом, в тысячи раз более опасным, чем наемники с железными мышцами, против которых Шан д'Арг сражался сотни раз.

– Я начал с того, что создавал общества, которые в далеком будущем могли нарушить прекраснодушное равновесие Федерации. Но каждый раз, раньше или позже, вмешивались темпоральные командос. Они были могущественнее меня и лучше вооружены. Они эффективно охраняли Федерацию. У меня не было ни малейшего шанса на успех.

– Вы хотите сказать, что три или четыре века мы вели борьбу только против вас, не подозревая об этом?

Урцайт утвердительно кивнул.

– Большая часть экспедиций избирала мишенями миры, где давало плоды мое вмешательство. Но были и другие, к которым я не имел никакого отношения. Командос все чаще и чаще выступали против своего создателя. Парадокс? Не так ли? Он возможен лишь при путешествиях во времени! Потом мне надоело смотреть, как гибнут миры, на которые я возлагал большие надежды. Я понял, что иду ложным путем. Следовало одновременно создать стабильное общество, способное противостоять командос, и заручиться поддержкой самих командос.

- Они уже работают для вас?
- Нет. Хронологически вы – первые, с кем я вступил в контакт. Вас первыми послали на Игону. Но могу вас уверить, что будут и другие. В какой-то мере, если рассматривать время в его протяженности, вы, перейдя на нашу сторону, вступаете в будущий легион бойцов.
- Который помогли собрать, – подчеркнул Шан д'Арг.
- Конечно, – подтвердил Урцайт. – Не переоценивайте своего значения. Пойдете вы со мной или против меня, вероятность создания этого легиона едва ли будет поколеблена.
- Какова наиболее вероятная возможность?
- Урцайт ответил не сразу.
- Всегда та, в которой темпоральное вмешательство было наименьшим.

Они вошли в хижину. Мебель самых разных эпох, аппаратура, собранная Урцайтом, груды книг. Урцайт рухнул в кожаное кресло. Ливиус уселся на металлический табурет по другую сторону стального стола.

– Тогда, – сказал Урцайт, – я создал Далаам. Я располагал великолепными средствами для изучения, поскольку мог перемещаться вдоль времени и почти одновременно сравнивать эволюцию людей и общества на разных стадиях. И все равно я не мог справиться со всем в одиночку. Огромную поддержку я получил со стороны Института теоретического и прикладного исследования времени.

- Никогда не слыхал о таком, – обронил Ливиус.
- Ничего удивительного. Он будет основан лишь через полторы тысячи лет.
- Через полторы тысячи лет в будущем?
- Разумеется, – ответил Урцайт. – Примерно через девятьсот пятьдесят лет после падения и распада Федерации.

– Вы говорите об этих событиях, словно они уже произошли, – заметил Ливиус.

– Они произойдут, – поправил его Урцайт. – Вернее, существует высокая вероятность того, что они произойдут. И институт, и я, мы предпринимаем все, что в наших силах, чтобы сделать их более вероятными. С вашей помощью эта вероятность повысится.

– Взаимное влияние прошлого и будущего, – с удивлением выдохнул Ливиус. – Я думал, такое невозможно. И вы решили уничтожить создавшую вас цивилизацию.

- Не пугайтесь. Я же сказал, что необходима другая.
- Урцайт протянул руку к шкафчику и открыл его.
- Отведайте вот это, – сказал он, наливая в стаканчик вино, и плотоядно облизал пухлые губы. – Я уже говорил, что принципы не совсем соответствуют истине. В свое собственное прошлое вернуться можно, как можно исправить свою собственную историю.
- Встретить самого себя, убить одного из своих предков, стать своим собственным отцом?

– Да, – подтвердил Урцайт, – по крайней мере до некоторых пределов. Вы можете сколь угодно долго бегать вокруг дерева, но вряд ли догоните самого себя. То же самое происходит во времени.

Ливиус одним глотком осушил стакан.

– Принципы обретают смысл, – продолжал Урцайт, – если рассматривать только одну возможность. Когда речь идет об ограниченной трансформации этой возможности, почти не затрагивающей настоящего, принципы применять можно. Но эти ограничения не являются естественными. Природа намного богаче. Федерация возвела принципы в абсолют, поскольку стремилась сохранить неизменными свое настоящее и свое будущее состояние. Но действительность содержит в себе все, даже парадоксы. Вернее, в реальности парадоксов нет. В том будущем, которое начнется после Федерации, общество будет постоянно колебаться между несколькими возможными состояниями. Люди к этому привыкли. Они даже создали для этого новое слово – плави́рование. Они ведут одновременное существование в разных темпоральных планах. И время воспринимают не как линейную

последовательность, а как сложную структуру. В их физике существует специальное понятие метавремени, которое содержит все частные линии времени, как пространство содержит в себе бесконечное количество геодезических линий.

– Ясно, – пробормотал Ливиус. Голова у него кружилась. – В конце концов, спиртное тоже хорошее средство плавиловать.

– Черты такого рода можно подметить и в далаамцах, – сказал Нанский, чувствуя в голове непривычную тяжесть.

– В зачаточном состоянии, – согласился Урцайт. – Традиция, к примеру, есть переплетение нескольких возможностей. Далаамские дети подсознательно знают то, что другие познают сознательно в иной возможности. Вам понятно, что это означает? Практически это умножает до бесконечности способности человеческого существа. Личность развивается во множестве возможных миров. Таким образом, каждая грань личности посвящает себя изучению одной области, решению одной проблемы, приобретению определенного опыта. Человек живет одновременно тысячами жизней.

– А деревья? – спросил Нанский.

– Деревья служат посредниками, – ответил Урцайт. – Их корни уходят в землю, в глубины времени. В стволе дерева возможности сталкиваются, накладываются друг на друга.

– Но далаамцы ничего не знают о структуре времени.

– Их время еще не пришло. Традиция должна развиваться медленно. То, что хранит их подсознание, перейдет в сознание через несколько веков. Далаамцы знают достаточно, чтобы решить свои проблемы. И снабжают своим опытом своих двойников.

– Понимаю, – сказал Нанский, эхом ему вторили шестеро остальных. Вот почему была однобока культура далаамцев – они были лишь одной гранью обширной действительности.

– Другими словами, вы просите нас сделать выбор между существованием Далаама и Федерации?

Урцайт глянул ему прямо в глаза и тихо произнес:

– Вы меня поняли.

– Достаточно, чтобы мы не вмешивались, – сказал Кносос. – Тогда Далаам победит. Это должно вас удовлетворить.

– Нет, – ответил Урцайт. Он выглядел утомленным. Он нацедил стакан вина и медленно выпил. Черты его лица заострились. Невероятная жизненная сила уходила на поддержание существования в семи различных планах бытия. Его стариковские черты изменились за несколько минут. Он с трудом дышал.

– Нет, – повторил он. – Вспомните. Самая вероятная возможность та, которая подверглась наименьшему темпоральному вмешательству. Существует одна реальность, в которой вы выполнили миссию, и последующих вмешательств не было.

– Тогда существует и та реальность, где на Игону не высадилось ни одной командос.

– В этой реальности, – выдохнул Урцайт, – я не существую. Нет и Далаама. Все тесно связано. Я нуждался в вашей... нуждался в вашей помощи. Надо...

Он перевел дыхание. Трубка выскользнула изо рта и упала на стол.

– ...надо, чтобы вы стерли все следы вашего пребывания и сделали это как можно быстрее. Вы должны уничтожить командос в момент ее появления на Игоне. Это намного увеличит вероятность благоприятных возможностей.

Он задыхался.

– Вы... вы свободны в своем выборе.

Кносос сделал безжалостный вывод.

– Надо, чтобы мы убили самих себя.

– Совершенно верно, – подтвердил Урцайт. – Но вы останетесь самими собой, вы будете существовать. Поверьте мне.

Он побледнел, лицо его вдруг потемнело и отекло.

Кносос встал и подошел к нему.

– Вы больны. Вам лучше лечь.

– Нет, – перебил его Урцайт. – Я стар. Это разные вещи. У меня осталось совсем мало времени.

Кносос – Шан д'Арг – Нанский склонился над ним. Йоргенсен – Марио расстегнул его ворот. Эрин – Ливиус нашел его пульс. Их лица смешивались, сливались в одно.

– В шкаф, – сказал Урцайт.

Теперь он видел лучше и с усилием приподнялся. Он пытался прикинуть, сколько времени у него осталось. Несколько минут, не больше. Их было трудно убедить, но сейчас он был почти уверен, что ему удалось это сделать.

– У вас очень слабый пульс, – сказал Эрин. – Сердце...

– Знаю. Я...

– Можно сделать инъекцию. Скажите, где находятся...

– Бесполезно. Я сказал вам всю правду. Я проживу еще двадцать лет, но не в этой возможности. Здесь я дошел до предела. Я протянул дольше возможного. Здесь было самое удобное место для встречи с вами. Здесь я протянул дольше своего времени.

Урцайт скорее хрипел, чем говорил.

– Здесь я не совсем живой человек. Но вы не останетесь в одиночестве. К тому же я последую за вами.

Эрин поднес к губам старика стакан с вином.

– Вы должны решать сами. Вы свободны в своем выборе.

Урцайт уронил голову на грудь.

– Разве Далаам – ваш идеал общества? – быстро заговорил Эрин. – Вы желаете видеть его на каждой планете Галактики?

– И да, и нет, – прошептал старик. – Далаам не идеальный город. Далаам – модель. Опыт.

Эрин прочел в глазах Урцайта тоскливое выражение.

– Далаам – уменьшенная модель будущего общества... после Федерации... когда передатчики материи свяжут планеты, как тропинки Далаама связывают... и когда люди обретут свободу... расстояний не будет... и вся Галактика... вся Вселенная... единым городом... они должны научиться жить свободными в городе, где вместо уличных фонарей будут светить звезды.

Глаза Урцайта закатились. Руки Эрина задрожали, когда из-под век старика показались белки глаз. Но Урцайт не прекращал борьбы со смертью.

– Очень важно, чтобы Далаам победил. Я больше ничего не могу. Я выжат как лимон. Безумно трудно быть единым в семи лицах... в столь маловероятных возможностях. Вы должны...

Урцайт захрипел.

– Далаамцы – мои дети. Понимаете? Я их люблю... В шкафу вы найдете... Мои дети. Мне требовалось узнать генетические способности и использовать постоянный запас хромосом. Хромосомы туземцев не совсем удовлетворяли меня... я ввел свои... И смог избежать темпоральной интерференции.

Голова его покачнулась.

– Украл не менее трех минут у времени. Значит, вероятность растет. Я выиграл.

Он рухнул грудью на стол. Арчимбольдо Урцайт умер на безымянной планете, купающейся в лучах голубого солнца.

«Не иллюзия ли это?» – подумал Йоргенсен. Ему показалось, что в момент смерти Урцайта поблекли цветы и пейзаж вокруг потерял реальность, задрожав и став прозрачным.

Время подгоняло его. Он бросился к шкафчику.

Там висело полное боевое снаряжение. Новенький темпоральный комбинезон с полным набором аппаратуры, как и перед стартом с Альтаира. «Откуда все это? – удивился Йоргенсен. – Из далекого будущего?».

Он быстро облачился в комбинезон. Надел шлем. Приладил пояс. Его пальцы

привычно скользнули по оружию, ордзи-излучателю, симбиотическому комплексу, датчикам и наткнулись на незнакомый приборчик. Он с удивлением глянул на него. Крохотный темпоральный маяк. Он позволял путешествовать во времени и пространстве.

Маяк был отрегулирован на определенные мир и дату. Он прочел. Игона, нулевой год и цифровые координаты.

Он бросил взгляд на тело Урцайта и подумал, что смерть старика не была ужасной случайностью. Она была предусмотрена. Урцайт сказал, что продолжает жить в других возможностях. Здесь он избрал уход от членов командос. Даже решившись выступить против Далаама, они не могли бы схватить его и использовать в качестве заложника. Он рассчитал все. Даже провал.

Йоргенсен хотел было похоронить его, но у него не хватало времени. Этот мир мог исчезнуть в любую секунду. Тело останется здесь, на этом самом месте, и пролежит шесть тысяч лет до появления пустыни, ожидая его, Йоргенсена.

Эту планету следует назвать Арчимбольдо Урцайт. Иначе быть не могло.

Все семеро одним движением нажали крохотную кнопку и провалились в Абсолютное Вневремя.

Игона. Нулевой год. Лес грибов. Они стояли лицом друг к другу. Некоторое время они молчали. Они все знали. Знали, что им предстоит сделать. И не колебались.

На сердце у всех было тоскливо. Они стояли у края пропасти, как на лезвии бритвы. Надо было выбирать.

Они вспомнили о теле Урцайта. Если они выберут Далаам, то сделают более реальными те вероятностные миры, в которых он жил. И быть может, продлят его жизнь в созданном им совершенном мире, где он встретится с ними.

В противном случае... Им не было нужды говорить. В противном случае на соседней поляне появятся командос с Альтаира, чтобы провести коррекцию истории Далаама. А они исчезнут. Они испарятся перед лицом своих более реальных двойников. И галактический город, моделью которого был Далаам, никогда не возникнет. Далаамцы будут стерты с карты Вселенной.

У них была секунда на размышление. Со страхом в сердце они скользнули к пустой поляне, стиснув зубы и положив руки на рукоятки оружия. Одним движением они включили нейтрализующие поля, которые лишат защиты иноземцев. Они лишали защиты и себя, но верили, что выйдут победителями.

Они будут быстрее.

Поляну окутала вспышка. Семь человек и маяк. Семь силуэтов в белом, увешанные снаряжением. Они узнали самих себя.

И выстрелили, Йоргенсен в Йоргенсена, Марио в Марио, Ливиус в Ливиуса... – каждый в своего двойника. Они знали, что в предыдущей возможности уже боролись сами с собой...

Семь силуэтов на поляне вокруг темпорального маяка заколыхались, словно пламя свечи. Йоргенсен прочел в собственных глазах безмерное удивление. В глазах умирающего Ливиуса живой Ливиус уловил ту ненависть, которая уже угасла в нем самом. Марио по глазам исчезающего Марио понял, что одиночество кончилось. Шан д'Арг в знакомых чертах увидел, что пришел конец бессмысленным битвам. Каждый в лице своего погибающего двойника расстался со всеми своими наваждениями. Каждый обрел свободу духа.

Все было кончено. Люди Альтаира и темпоральный маяк провалились в Абсолютное Вневремя. Солнце Игоны засияло ярче.

Йоргенсен спрятал оружие и утер пот со лба.

– Мы убили старика, – хрипло сказал он, обращаясь к Марио, – старика в нас самих. И мы... изменились.

Марио кивнул и спросил:

– Думали ли вы, что другие могут повлиять на наше будущее, как собираемся поступить мы по отношению к Игоне?

Йоргенсен не торопился с ответом.

– Мне понятна твоя мысль. Урцайт сделал все, чтобы мы были свободны в своих решениях.

Он пошел прочь. Остальные двинулись следом за ним. Ему хотелось вернуться в Далаам, увидеть Анему, послушать Даалкина, узнать у деревьев, какие знания накопили другие грани его личности в других возможностях. Он знал свою судьбу – они стали первыми. Они будут путешествовать во времени и бороться с командос Федерации. Они будут искать союзников среди людей Альтаира. Быть может, они встретятся с Урцайтом. И может, узнают что-то новое.

Но всего знать им не суждено. Этому их научил Урцайт. И это, наверное, самое главное. Действительность исчерпать невозможно. Свобода состоит в выборе между несколькими неизвестными возможностями.

В будущем это называлось плавировать.

Далаам почти не изменился. Город показался Йоргенсену более реальным, более близким. Быть может, ему это только казалось. Или виной тому была радость встречи с Анемой? Или Далаам существовал в более вероятной реальности?

«С поиском ответа можно и подождать», – решил Йоргенсен. Он вместе с Анемой бродил по тропинкам Далаама меж громадных деревьев и вдруг оказался на знакомой площади.

Было это когда-то или только вчера?

Перед ним раскинулась круглая площадь с фонтаном и статуей.

Свежая вода стекала по ее лицу. Черты лица напоминали Йоргенсену кого-то. Вода струилась, как струится время, оставляя на людях свой отпечаток. Ничто не может ни остановить, ни замедлить поток. Его можно отклонить, но он вернется в свое русло, разрушив преграду.

Йоргенсен подошел ближе и взгляделся в черты каменного лица – его поразило сходство, умело скрытое рукой художника.

Он перевел дыхание.

Это было лицо Арчимбольдо Урцайта.

Йоргенсен молча вернулся к Анеме.